

Дмитрий Насыбулин

Баллада
о
Тамплиерах

16+

Дмитрий Ильзурович Насыбулин

Баллада о тамплиерах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56870131

SelfPub; 2020

Аннотация

Тамплиеры! Кто не знал о них – пусть услышит, кто узнал – уже не забудет, кто знает – пусть помнит ... Тогда каждый жил по зову пылкого сердца, полный стремлений к свершению великих дел, желая, чтобы потомки видели, на что они были способны! За девятьсот лет многое было утеряно или забыто, как и символ ушедшей эпохи – Дух рыцарства, что обратился в фантом... Но не исчез вовсе! Ордену тамплиеров всё же удалось посеять зёрна – идеи, пробившиеся сквозь темноту веков и дошедшие до наших дней. Приключенческий роман написан в память о первом Великом Магистре Ордена тамплиеров – Гуго де Пейне и о его деле.

Содержание

Пролог	4
Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	14
Глава 4	24
Глава 5	28
Глава 6	33
Глава 7	50
Глава 8	58
Глава 9	61
Глава 10	64
Глава 11	72
Глава 12	81
Глава 13	96
Глава 14	102
Глава 15	110
Глава 16	118
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Пролог

1307 год от Р.Х.

Ветер, пригнав тучи с севера, бушевал, сгибая упрямые деревья. Тяжёлые капли, не переставая, долбили почву. Холодный ливень не утихал. На закате к часовне прибыли всадники. Следом из-за плотной серой пелены показалась телега. Деревянные колеса, скрипя, то и дело утопали в грязи, оставляя за собой глубокий след, который тут же размывало потоками воды. Очевидно, причина являлась очень важной и безотлагательной, раз было выбрано именно это ненастное время.

Трое мужчин, борясь с яростными порывами ветра, прятали лица под глубокими капюшонами. Промокшие накидки надёжно скрывали их воинское одеяние и геральдические знаки. Содержимое телеги в спешке сгрузили в склеп, пока стена дождя укрывала от любопытных глаз. Только «Чёрный Лев» с фамильного герба на каменной стене безучастно взирал на происходящее. Серые тени двигались безмолвно. День иссякал.

Когда в нишу под саркофагом были уложены четыре больших свёртка и объёмные просмолённые мешки, тяжелая плита вернулась на место. Люди обступили надгробие. Глухой огрубевший голос зазвучал под каменным сводом, будто

духовой горн:

– Спи спокойно, брат Гийом де Боже. Господь – свидетель, что ты хранил свою тайну до конца и исполнил данный тобой обет. Ради общего блага сослужи нам ещё одну службу – сбереги это. Пусть худшее не случится, и твой покой не нарушится впредь. А коли настанет тёмный час, в последний раз открой свою тайну новому Хранителю. Да простит нас Господь! Аминь.

Все уже были готовы покинуть склеп, но один задержался. Добравшись сюда, он ожидал успокоения. Большой груз свалился с его души, но оставил вместо себя пустоту. Человек положил руку на каменную кисть воина, крепко сжимавшую мраморный меч.

– *Сбогем*, Гийом, – скорбно вымолвил он.

Почувствовав, как глубоки его переживания, друзья тут же отозвались:

– Он знал, что ты всё исполнишь даже ценой собственной жизни. Жак и я тоже в этом не сомневаемся.

– Именно поэтому ты здесь, но нам пора... Поторопимся.

Рыцари перекрестились и, выйдя из склепа, двинулись сквозь проливной дождь к лошадям.

Часть первая

Глава 1

Новость о предстоящем турнире быстро разнеслась по Бургундии и соседним землям. Люди стекались в Дижон. Ехали верхом и в повозках, шли с поклажей или тянули тележки. Никто не хотел пропустить это событие в ярмарочную пору.

Вдруг мощный гул насторожил путников. Стая птиц взвилась в небо. Из дубовой рощи, вздымая клубы пыли, вихрем вырвалась на простор блистательная конница. Кони мчались быстрее ветра. Металл под лучами солнца сиял божественным светом. Могучие, как на подбор, восхитительные наездники в развевающихся одеяниях, словно ангелы, явили себя людям. Их узнавали издалека по ослепительно белой мантии и красному лапчатому кресту.

Тамплиеры!

Мчавшийся впереди знаменосец держал знамя в вытянутой руке и громко кричал идущим навстречу:

– Освободите дорогу!

Людское море растекалось пред теми, кто снискал почёт и уважение.

Человек в потёртом камзоле, с жемчужной серьгой в ухе, тоже ехал навстречу людскому потоку. До королевства франков оставался ещё день пути. Его не интересовали подобные празднества: срочное дело не терпело отлагательств. Собственная слава давно поутихла, но богатый боевой опыт не давал уйти на заслуженный покой. Человек отвёл коня в сторону, вынужденно освободив дорогу.

– Надменные гордецы! – такими словами проводил он братьев Ордена бедных рыцарей Христа и храма Соломона.

Глава 2

Осеннее утро в Труа выдалось ясным и безветренным. Высокий молодой мужчина, аристократичный, щеголевато одетый, стремительно спускался по высокой лестнице замка, на ходу отдавая распоряжения слугам:

– В полдень едем на виноградники, нужно прикинуть, стоит ли занимать отдохнувшие земли новым сортом. По пути заеду на мельницу, пора прекратить этот спор. Часть готового льняного полотна отошлите храмовникам (был с ними уговор), остальное продать на ярмарке. Седлайте коней, я ненадолго зайду к брату...

Граф Илберт де Труа, наследник шато и обширных прилегающих земель, отправился в известном ему одном направлении. Спешно покинув двор, он прошёл через сад, выбрав короткий путь. Обогнув амбар, скрытый в тени густых яблонь, он свернул у донжона, служившего оружейной и одновременно складом с продовольствием. Вскоре, оказавшись рядом с невысокой каменной башенкой, стоящей в основании крепостной стены, граф уверенно толкнул массивную дверь и вошёл внутрь.

Несмотря на солнечный день, в мастерской было темно. Свет из узкого окошка озарял лишь высокую фигуру светловолосого, хорошо сложенного юноши, стоящего на небольшом постаменте с мечом в руке. Вопреки прочности кам-

ня, резец в руках старого мастера уверенно скользил по монулиту, передавая узнаваемые черты лица и напряжённость мускулатуры. Увидев Илберта, скульптор прекратил мерный стук по камню, согнулся в поклоне. Илберт в ответ едва заметно кивнул.

– Вот ты где, Вейлор! – с усмешкой обратился граф к юноше. – Прибывший утром гонец после нашего скотного двора обошёл все таверны, заглянул в каждую драку, но не смог тебя отыскать. Ему невдомёк, что мой младший брат – чудак. Я один знаю, где ты пропадаешь. Поэтому сам вызвался передать тебе весточку.

– От кого? – бледные щеки молодого человека охватил румянец. При этом Вейлор продолжал стоять неподвижно, стараясь не выходить из образа.

– Не от кого, а какую! – уточнил граф.

Илберт развернул свиток и, подражая речи городского глашатая, стал насмешливо вещать:

– Велено собрать всех бездельников, желающих надавать друг другу тумачков, испортить или потерять дорогое имущество, нажитое отцами и приумноженное старшими братьями, увечить коней, за которых серебром плачено...

Он бросил свиток молодому человеку со словами:

– Иди! Сражайся! И не позволяй себя одолеть! Это привилегия старшего брата: отвешивать тебе подзатыльники.

Юноша радостно воскликнул:

– Приглашение на турнир!

Но, взглянув на брата, холодно сказал:

– Хм. Ты с годами не меняешься, твои колкие речи становятся всё скучней.

– Моя прямая обязанность – готовить тебя к жизни и ответственности за наш древний род. Кстати, кто ты на этот раз? Что-то ты мало напоминаешь ангела или святого. Или же вновь исполняешь страстное желание какого-то худосочного ростовщика, мечтающего хоть в камне выглядеть под стать герою?

Вейлор нахмурился. Скульптор, желая сгладить неудобный момент, вежливо заметил:

– Господин! Может, и честолюбивы желания заказчиков, но потомки по этим изображениям будут судить о нас. Так пусть они лучше вглядываются в лицо вашего благородного и мужественного брата.

Юноша с благодарностью взглянул на мастера и шутливо поклонился Илберту.

– Жаль, что камень не передаёт румянец, – посмеиваясь, граф поспешил удалиться.

– Вот удачный случай, – прошептал юноша, прижимая к груди заветный листок.

Вейлор радостно замахал мечом, рассекая воздух. Чувства его переполняли: он приближался к заветной мечте.

К неудовольствию скульптора, юноша стал спешно одеваться, пообещав прийти в другой раз. Забрав часть обещанной заказчиком платы за трудное дело, он побежал в конюш-

ню седлать своего верного коня Эклера, чёрного как ночь, с белой отметиной на лбу.

Илберт набросил на плечи бархатный плащ с меховой оторочкой и ловко вскочил в седло.

– Дела не ждут, надо всё успеть до заката, – поторопил он слуг, терпеливо ожидавших своего господина.

Все двинулись верхом через ворота к подъёмному мосту. Отъехав на значительное расстояние, дворянин обернулся, чтобы ещё раз взглянуть на свою твердыню, желая убедить себя, что всё незыблемо. На фоне сине-голубого неба до горизонта тянулись пологие склоны, усаженные виноградниками. Из-за зубчатых стен и башенок замок напоминал корону, лежащую на изумрудной подушке.

«Так было вчера, сто лет назад, так будет и завтра, – подумал Илберт, с довольным видом глядя на эту с детства привычную картину. – Господь благословил наши земли».

От холодных вод Шотландии до тёплых марсельских бухт славились вина этих мест. Воистину только Творцу известны тайны преобразования виноградной лозы. Щедрая почва и ласковое солнце, тёплые зимы и влага небес отдали ей всё лучшее. Но и людям пришлось потрудиться, вложив душу и всё своё мастерство, чтобы этот божественный дар стал благородным вином.

Дед брал его, мальчишку, в сокровищницу семьи – винные погреба. Какой бы ни была погода снаружи, здесь всегда

в меру влажно и прохладно. Шествуя мимо длинного ряда бочек, старик делился главными тайнами, превращающими гроздья винограда в божественный нектар с ярким и неповторимым вкусом.

– Наш секрет хранится веками и передаётся в семье по наследству.

– Почему этот секрет так важен? – спрашивал маленький Илберт.

– Он делает наше вино особенным, – отвечал старый граф, – еще много сотен лет люди будут гадать, почему именно мы – лучшие виноделы Шампани.

– А как узнать, от кого надо хранить секрет, а от кого нет? – загорались детские глазёнки.

– Я посвящаю в это таинство тебя. Потом ты должен будешь выбрать того, кто продолжит наше дело. Поверь, это единственная тайна, что не отягощает души, а наполняет её гордостью за старания тех, кто жил до нас.

Наливая в кубок тёмно-красное вино, старый граф вдыхал его аромат, пробовал на вкус и вдохновенно говорил:

– Такое благородное вино не пьют в одиночестве, его послекусие очаровывает. Это священнодействие разделяют с друзьями и любимыми. Вино, мой мальчик, рождается, как дитя. Имеет свой характер, капризничает. Источая аромат, искрится, как солнечный луч на воде. Долго томится в прохладном подвале, наполняясь магической силой, и ждёт своего часа, когда снова увидит лучистый свет. Оно, как юная

дева, нежно прикасается к устам. И тогда вкусивший этот колдовской напиток благословит небеса и этот край, и тех, кто создал это великолепие. В его тело войдут солнце и радость, покой и благодать. С годами вино тоже приобретает зрелость, но, в отличие от людей, старость не приходит к нему.

Для графа виноделие означало всё, сильнее дед дорожил только своим внуком. Старческой рукой прижимая к себе Илберта, он верил, что эта родная душа сохранит завещанное ему наследие.

– Храни и приумножай богатство нашего славного рода. Вся надежда на тебя, мой мальчик. Мои сыновья избрали другую стезю... Что твой отец, что Андре, – с грустью добавлял он.

Вспоминая, молодой граф улыбнулся. Как же он благодарен деду за эту тонкую науку!

Но тут в памяти вновь всплыл последний разговор дяди Андре с отцом, и по мужественному лицу пробежала тень. Илберт пришпорил коня, и сопровождавшим его слугам пришлось подстегнуть и своих лошадей.

Глава 3

По обе стороны пролива человека с жемчужной серьгой все знали как Пьёвро. Он не помнил, когда к нему приклеилось это прозвище – «Спрут». Может, в юности, когда он был матросом. Все удивлялись, как он, взявшись за множество дел, всё успевал. «Смышлёный и рукастый», – говорили о нём бывалые моряки. Или, возможно, в детстве, когда он рассказывал, как поймал большого осьминога, опустив на дно старый сапог... Он давно забыл, как звали его прежде. Волосы потеряли цвет, кожа огрубела, лицо казалось высеченным из камня. Высокий, поджарый, он напоминал нависшую над морем скалу, в которой угадывались человеческие черты.

Пьёвро не удивился, узнав, что его пригласил к себе на разговор сам Гийом де Ногаре, правая рука короля франков Филиппа IV. Появилось лишь странное ощущение чужого присутствия за спиной. Но он не обернулся. Чувства не являлись руководством для капитана – ум оставался холодным.

«Червяк» пытается подцепить «осьминога» на свой крючок?! А знает ли он сам, что спрут – хищник?» – размышлял он в дороге.

Тот, кто попадал в щупальца, чувствовал железную хватку и был обречен. Даже погибая, головоногий моллюск не выпускает свою жертву, продолжая сжимать мускулы.

«Интересно, что будет приманкой на сей раз?»

Капитана перехватили при въезде в Париж, лошадь пришлось оставить стражам ворот. Симпатичный молодой человек в ярко-синем плаще, возникший перед ним, давно ожидал его. Дальше они долго шли пешком по узким и кривым улочкам, пока не спустились в подвал. Пьёвро сразу понял: значит, дело тухлое, как рыба, выброшенная морем на берег, раз гостей не принимают с парадного входа. Провожатый зажёл факел и повёл Спрута по бесконечно длинному коридору, где крыс было больше, чем в трюмах.

– Простите, господин, – извинялся юноша.

– Не расшаркивайся, я вырос в порту.

Они преодолели небольшую, в два пролёта, лестницу и спустились в крытую галерею. По звукам, долетавшим откуда-то сверху, Спрут понял, что путь их пролегал под оживлённой улицей. Пересекая сырую площадку, он слышал шаги прохожих, доносившиеся из крохотного решётчатого люка на потолке. Звуки то смешивались в сплошной шум, то становились различимыми: вот чья-то тяжёлая поступь, приближаясь, звучала громче, затем снова отдалялась; вот кто-то перешёл на лёгкий бег; затем послышались звуки проезжающей телеги и лай собак. Оглушительной волной накатил, словно вырастая из глубины, гулкий звон колокола. Эхо разлетелось по подземному лабиринту, отдав стенам еле заметную дрожь.

Капитан еле поспевал за проводником, а стройный юноша

привычно шёл вперёд, преодолевая скользкие ступени тёмного подземелья.

Наконец через маленькую дверку они попали на винтовую лестницу и стали подниматься. Провожатый сдвинул камень в стене. Раздался щелчок. С небольшим усилием он уверенно сдвинул дверь и пригласил гостя внутрь. Пьёвро отчётливо услышал свой внутренний голос: «Спрут только что добровольно влез в глиняный горшок».

Впустив гостя, провожатый поклонился и вышел, плотно заперев за собой дверь. Проём тут же слился со стеной, став серым монолитом. Мрачная зала встретила капитана спёртым воздухом и сыростью каменных стен. В комнате за столом сидел сухощавый темноволосый мужчина с беспокойными глазами и что-то писал. Огонёк в камине горел робко и тускло.

«Судя по всему, прибытие хозяина стало для слуг неожиданностью, раз те не протопили здесь заранее».

Ногаре не мог похвастать благородным дворянским происхождением, однако советник короля был энергичным человеком с острым умом.

Скромный угол не имел ничего общего с дворцовой роскошью. Ни зеркал, ни расшитых золотом ковров. Только стоящий в отдалении стул из благородной породы дерева для посетителей заявлял хоть о какой-то родовитости.

«Смотри-ка, а стул-то венецианским бархатом обит, – с иронией отметил про себя гость, – не боится, что замараю

чешуёй или тиной».

– О, сам Арфлёрский Спрут пожаловал в нашу тихую бухту! Прошу прощения за столь скромный приём. Могу предложить только кубок великолепного «Бордо».

– Я не пью это вино с тех пор, как гонял корабли англичан по всему заливу. Впрочем, для меня теперь всё на вкус, как морская вода.

– Тогда – к делу.

И верный слуга короля, всецело преданный целям своего господина, стал долго и витиевато говорить о том, как сложна политическая обстановка, а потому король Филипп нуждается в преданных людях; и о том, какие нелепые слухи ходят о рыцарях Ордена Храма. Спрут смотрел на всё как бы со стороны. Он видел, как смеялся Ногаре, рассказывая порочащие храмовников вести. Понимал, что его пытаются убедить в, якобы, сомнениях короля. Но он не заметил в словах его собеседника ни тени обеспокоенности. Речь того была сладка, как грех. Пьёвро мало уважал людей, чьей сестрой была фальшь. Пред грозной морской стихией, как пред Богом, стоишь без притворств.

Слушая, он думал: «Я ещё могу отказаться. Но они быстро прикроют мои дела в порту, начнут давить или, того хуже, преподнесут всё как измену. Тяжко быть королевским солдатом: уши заняты трескотнёй, кошель пустой, а руки в крови».

– ...сообщайте Нам обо всех важных перемещениях гру-

зов Ордена, заодно подтвердите факты или рассеете сомнения... – вливали в уши вкрадчивые речи хранителя королевской печати.

Слова Гийома де Ногаре об Ордене храмовников обеспокоили капитана. Он не раз возил их грузы. Не безрассудно ли опираться на подобные слухи, порочащие столь могущественных людей?

«Это может сделать либо глупец, либо тот, кому это выгодно», – размышлял Спрут.

– Что нужно для дела человеку с вашей хваткой? – снова послышался голос советника короля.

– Знать сроки и полномочия, мессир. И иметь серебро, конечно, чтобы хорошо платить за длинные языки.

– Я считаю, излишне напоминать вам, что наш разговор должен оставаться в секрете. С того момента, как покинете эту комнату, для всех вы будете действовать от своего лица.

«Видимо, не простой ожидается улов, если сам «капитан» учит меня забрасывать сети!» – отметил для себя Пьёвро.

– Вот человек, – Ногаре указал жестом за спину Спрута, – который будет оказывать всяческое содействие.

Капитан обернулся и увидел полного мужчину. Камзол цвета маренго еле сходил на его животе. Надо же, как неслышно он вошёл!

– Моё имя Поль. О каждом своём шаге будете отчитываться мне, – властно произнёс тот, – с донесениями жду у себя. Попав на остров Сите, повернете к площади – королевский

дворец смотрит прямо на мой дом. Ошибиться невозможно: кованые двери и великолепная галерея.

«О, ещё один циничный кровопийца, жаждущий власти и мечтающий усесться на два стула разом, – отметил про себя Пьёвро. – Я предполагал: чем ближе к куче, тем больше мух. Но в этом трюме уже становится тесновато».

Всё сводилось к тому, чтобы дела Короны не выходили из тени. Приманкой на крючке в этот раз был только долг. Капитан спрятал за пазухой бумаги и увесистый кошель.

«Осталось самому замарать руки, – с горькой иронией подумал Спрут, не желая дольше задерживаться здесь, – первое и второе уже выполнено».

Тем же путём юноша-слуга вывел его в безлюдный переулок.

– Всего хорошего, господин, – вежливо простился с ним провожатый, небрежно поправив рукой свои красивые локоны.

Ловушка захлопнулась.

Спрут любил портовую суету и влажный прибрежный воздух. Свёрнутые паруса стоящих на рейде кораблей напоминали огромных взлетающих альбатросов. Ещё мальчишкой Пьёвро бегал в порт смотреть, как начинается день. Матросом быстро постиг бешеный темп работы в шторм и размеренный ритм на погрузке. Вызубрил и главный закон: никогда не спорь с капитаном. Понимал, что только неопытному

взгляду портовая суматоха кажется хаосом. Зазеваешься – и ненароком попадешь под груз. Но, когда ты сам – часть этого просоленного морем мира, ты знаешь, что всё подчинено веками сложившимся устоям. Всему отведено определенное время: авралу и бесшабашной передышке, заботам приручающих волну и озабоченности ждущих на берегу. Море звало его, но лишь на берегу сердце, как парус, наполнялось ветром истинной свободы.

Капитан жил в порту Арфлёра, приспособив для жилья старое убежище контрабандистов. Здесь у него был и временный склад, и мастерская по ремонту морской снасти, и место встреч с заказчиками и нужными людьми, где решались вопросы по обслуживанию кораблей и перевозке грузов. На втором этаже он обустроил угол для себя. Разбирая старый хлам любителей обойти закон, наткнулся на вполне пригодные и самые хитрые приспособления: тайники и потайную лестницу на галерею, по которой при необходимости можно было уйти незамеченным или же, наоборот, – появиться внезапно. Бывшие хозяева подходили к своему незаконному промыслу с умом и изобретательностью, опасаясь обысков и внезапных облав.

Сегодня внизу было людно. Десяток бывалых, закалённых мужчин прибыли в указанный срок. Моряки сидели полукругом, делясь свежими новостями и байками, горланили и смеялись. В морском ремесле такой сход – редкость. Каждый был рад передышке и внезапной встрече. Весельчак Ги, как

всегда, рассказывал смешную историйку, которая явно пришлась всем по душе. Вошёл Пьёвро, и смех разом прекратился.

– Есть дело, – без предисловий начал он, – отбросьте всё, что возможно. Будете делать то, что я скажу. Соберитесь!

Моряки слушали его внимательно...

Наконец, Спрут подытожил:

– Всё, что покажется вам подозрительным или неизвестным, тральте сюда. Мне важно знать, какие грузы повезут дальше по бесплатным дорогам? Откуда пришли? Кто зафрахтовал? Кто получатель? Слухи в портовых тавернах. Словом, всё, что сможете добыть! Идите, бездельники, сделайте всё быстро, не привлекая внимания. И никакой болтовни – шпангоуты переломаяю. Знаю я вас!

Озадаченные люди стали расходиться, у каждого были свои дела.

«Так. Сеть заброшена. Посмотрим, что в неё попадёт».

Спрут окликнул сероглазого юношу:

– Ги! Мне нужно переговорить с тобой с глазу на глаз.

Парень был смыслён и невероятно отважен. Ему Пьёвро доверил особое задание:

– Ветер крепчает, малыш! – начал Спрут, – мне понадобится пара надёжных рук. Эти ротозеи слишком грубы для такого дела. Здесь нужен тонкий подход. Король затеял опасную игру. Мне нужно знать, что за карты выпали ему. Остерегайся человека по имени Поль. Ты признаешь его по серо-

му камзолу, такому же серому, невзрачному лицу и животу, как винная бочка. У него ядовитый язык и он опасен, мерзкая мурена. Выясни, куда его гончие суют свой нос. Будь на чеку. Стань тенью и тихим, как отлив. Ступай.

Ещё вчера Ги был чужаком. Бывалые моряки и портовые трудяги относились к нему с недоверием. Суровая община неохотно принимала новичков в свои ряды. Парню пришлось трудиться, не щадя живота, добиваясь признания. Он смело брался за любую работу. И скоро Ги стал душой любой компании и сердцем морского братства. Озорной, улыбочивый, проворный. Таким его видели всегда. Он дня не мог обойтись без шутки, мог найти ключик к любому сердцу, даже каменному. Добрая улыбка придавала ему обаяния, смягчая грубоватые черты. Он не раз вдохновлял и поддерживал, даже в очень опасные моменты. Как бы ни было трудно, Ги согревал товарищей своими чудачествами лучше, чем миска горячей похлёбки.

Спрут смотрел на удаляющегося юношу и видел в нем себя, молодого. У него самого никого уже не осталось, близких давно забрали война и мор. Сам он побывал во стольких передрягах, но небеса почему-то пощадили его. Пришлось самостоятельно пробиваться в жизни, и он гордился тем, чего достиг: люди чести знали, что слово Пьёвро нерушимо, как камень, а прочие побаивались вставать у него на пути. И море приняло его. Точнее, приняла команда, которая заботилась о нём, как и он заботился сейчас об этом пареньке.

Он учил Ги всему, что умел сам, чтобы тот был готов к моменту, когда жизнь возьмет за глотку. Пьёвро всегда думал, что, если море дало ему дом и семью, значит, он должен разделить их с другими.

Глава 4

Рынок в Дижоне бурлил. К полудню на площадь стянулись те, кто приехал издалека. Наверное, только яблоку и было где упасть среди толпы. Перед турниром прилавки трещали от изобилия различного добра, даров осени и заморских диковин. Запах пряностей и свежее испеченного хлеба искушал обоняние...

В сердце города на торговой площади легко можно встретить графа и епископа, лекаря и знатока законов, школяра и менялу, земледельца и нищего. Купцы и ремесленники здесь ведут бурные споры, заключая выгодные сделки. Вот плотник усердно срезает доску, снимая свежую стружку, а рядом столяр превращает те самые доски в домашнюю утварь. Расторопные слуги еле поспевают за хозяевами, неся наполненные корзины. Состоятельным горожанам досаждают назойливые бродяги и бездомные псы. В такой бурлящей толпе всегда полно бесцельно блуждающей детворы. Когда торг в разгаре, зевакам нужно держать ухо востро.

Вейлору казалось, что на ярмарку прибыли товары со всего света. Но у молодого рыцаря был свой интерес, и ноги сами несли его в заветное место. Мимо суконщиков, сапожников и оружейников путь лежал в ювелирную лавку.

Сюда не долетал многоголосый гомон. В величественной тишине лежали на дорогой пурпурной ткани изделия ис-

кусных мастеров. В углу за столиком сидел хозяин. Вейлор не сразу заметил его из-за большого деревянного прилавка. Старик в круглой шапочке, из-под которой выбивались седые завитушки, что-то взвешивал на весах и скрупулёзно делал записи. Юноша приблизился и тихонько покашлял, чтобы оповестить о себе. Ювелир от неожиданности сбился со счета, и блестящие монеты, зазвенев, покатались по столу.

– Я не слышал, как ты вошёл, – сказал хозяин лавки.

– Простите, я не хотел застать вас врасплох, уважаемый Бэхор, – виновато ответил молодой человек.

– Мой шампанский друг, мой мальчик! Я рад тебя видеть! Ты решил что-то приобрести в моей скромной лавке? Для истинных ценителей у меня есть особый товар. Это прибыло морем только вчера из Флоренции. О! Её волшебники знают толк в роскоши, – засуетился радушный хозяин.

– Благодарю вас за столь любезное предложение, но боюсь, что это не по моему достатку. Вы прекрасно осведомлены о том, что лишь одно из этих сокровищ может унять мою страсть, сравнившись своим лазурным сиянием со взором моей несравненной избранницы.

– Ах, это чувство! Будто в прошлой жизни оно было гостем и в моей душе. Я искренне поздравляю тебя, мой юный друг! – вздохнул собеседник. – Сердце любой дамы начнёт биться чаще от щедрости мужчины. Я знаю в этом толк, поверь. Однако не всякая женщина способна оценить это.

Ювелир поднёс к свету камень великолепной огранки,

мгновенно превративший полутёмную лавку в сказочный дворец с мерцающими огнями. Оба залюбовались сиянием.

– Твой подарок равен сотне жалований королевского стражника. Ты либо безумен, либо безнадёжно влюблён. Впрочем, это – одно и то же, – заключил старый человек.

– Завтра состоится турнир. Я непременно одержу победу! – гордо сказал молодой человек и добавил: – Однако не думаю, что, если вы станете раздавать подобные советы, ваше дело будет процветать.

– Ах! Я не старался тебя огорчить. К сожалению, мое дело будет жить и без безнадёжно влюбленных, и даже без меня самого. В этом мире для роскоши и жадности всегда будет припасена широкая скамья, чего не скажешь о чувствах или здравом смысле.

Юноша поклонился и покинул лавку.

Если бы каменная сова на фасаде собора ожила, то она, возможно, мудро вмешалась бы в происходящее. Вейлор торопился к друзьям. Человек в сапогах из кордовской красной кожи тоже спешил. Эти двое неслись по улочкам навстречу друг другу, чтобы на углу столкнуться лбами. От неожиданности каждый схватился за меч. Тот, что постарше, сообразил, что перед ним совсем мальчишка, поэтому просто повысил голос, чтобы вразумить юнца. В свою очередь, Вейлор не желал терпеть грубый тон. Назревала ссора.

– Остановитесь, глупцы, – вмешалась слепая старуха, си-

девшая у собора, – вам лишь бы силой меряться. Сама Судьба захотела этой встречи, а вы противитесь року. Гордецы! Мните, что мир вертится вокруг вас. Звёзды сошлись, дабы свести вас с такой силой лицом к лицу. Пренебрегший замыслом небес обречен на крах и забвение!

Старуха умолкла, уставившись в пустоту мутными, не моргающими глазами. Вряд ли слова её были поняты, но скрипучий голос старой женщины возымел действие: он остудил пыл. Мужчины едва заметно кивнули друг другу, и каждый поспешил по своим делам.

Глава 5

Капитан пробудился от неожиданного стука упавшей чаши. Она выскользнула из уставших пальцев. Звук удара о дощатый пол рывком выдернул моряка из сна. Чаша продолжала катиться, издавая характерный звук, пока не замерла, столкнувшись в углу со стоптанными сапогами.

Очнувшись на стуле с высокой спинкой, где его и сморил сон, Пьёвро удивился, как быстро и незаметно человек может свалиться от усталости. Казалось, ещё мгновение назад он перебирал бумаги, лежавшие перед ним на столе, вчитывался в каждое слово, рылся, пытаясь отыскать связь среди бесконечных строк, цифр и имён.

Белый сияющий свет уже сменился тёплым красноватым свечением заходящего солнца. Спрут задумчиво смотрел в окно, не замечая волнующего очарования закатного неба, упуская всю магию игры осенних красок. Не видел он и того, как осторожно крались оранжевые тени по фасадам прибрежных домиков и рыбацких лачужек, перебегая с крыши на крышу. Красный диск таял на горизонте.

Нужно было возвращаться к работе. Разум капитана был рассеян и нем. Последние несколько дней его жилище напоминало палатку маршала перед боем, куда спешили люди с донесениями. Корабли ещё только швартовались в порту, а имена их нанимателей капитану уже были известны. Золото

и вино делали своё дело: они быстро развязывали языки и открывали нужные двери. Учётные книги, перечни грузов, финансовые бумаги приносили разные люди. Они оставляли донесения и уходили за новыми. Любопытное ухо слушало, а глаз подглядывал.

Недостатка в сведениях не было. Репутация Ордена тамплиеров имела большой вес, а влияние распространялось повсюду. Его услугами пользовались короли, знать, купцы и простой люд: все, кто нуждался в защите в пути или берег лишнюю монету. Десятки построенных дорог связывали города, королевства и порты. Рыцари Храма охраняли все эти направления, создавая безопасный путь людям и грузам, чужим и своим финансовым потокам.

И теперь было не важно, прибыл ли ты торговать мехами или ждал поставку вина, взял ссуду или нанял команду для ловли сардин – ты представлял интерес. Даже те, кто не мог рассчитаться за услуги, или бедолаги, разорённые порчей груза, попадали в этот увеличивающийся с каждым днём список. Спрут пытался упорядочить этот поток. Торговые бумаги, морские карты и прочие документы постепенно заполняли всё его жилище. Стопки росли, росло и количество вопросов.

Пьёвро прошёл в угол комнаты, где стояло ведро со свежей водой. Сделав несколько шагов, он пересёк место, куда укатилась чаша, но даже не обратил на неё внимания. Остановился, чтобы умыться. Мозолистые руки медленно

опустились в ведро. Вода не была ледяной, но ещё сохраняла свою естественную прохладу. Зачерпнув ладонями живительную влагу, он омыл лицо. И в этот момент подумал о зелёном обитателе жилища, которому тоже пора было утолить жажду.

Сон окончательно отступил, и капитан вновь погрузился в размышления. Проницательность и упрямство были сильными сторонами Пьёвро. Так же, как и способность делать правильные выводы. Но во всей бумажной шелухе попадалось мало полезных зерен. Всё это было не то, явно не хватало нужных сведений. Однако среди бесчисленных обрывков и клочков бумаги было кое-что их объединяющее: в них не было ни строчки, ни слова, даже намёка на заговор против христианства. К удивлению Спрута, даже те, кто недолюбливал храмовников, отмечали их заслуги. В Ордене обездоленные всегда могли отыскать для себя работу, будь то усердное дело землепашца или иное ремесло, – во всяком случае, те, кто не отвергал труд. Некоторые удостоивались чести вступить в ряды прислуживающих братьев, неся ответственную службу. Храмовники помогали вдовам, сиротам, беднякам. Люди дивились тому, как запущенные, заболоченные земли, попадая в руки тамплиеров, расцветали, словно по волшебству, и начинали приносить пользу.

Спрут раздумывал: «Я не борец за чистоту веры. Мне ли разбираться в грехах Ордена? И вряд ли один я удостоился у короля такой чести. Что-то затевают «золотые лилии»?!

рей всего, Корону интересуется, не замышляют ли чего тамплиеры и какие секреты хранят».

Он снова беспокойно заходил по комнате.

– Я стою перед нужной дверью со связкой ключей! Какой же из них подойдет к замку?

Он мысленно разбирал варианты, с чего начать: воинские заслуги, торговые связи, могущество...

– Сильный воин, наделённый сокрушительным ударом, зачастую неповоротлив, – продолжал он своё рассуждение, – а ловкач не в силах поднять быка. В превосходстве каждого скрывается изъян. Корень могущества тамплиеров подскажет, в каком направлении продолжать поиск.

Разобраться в бумагах было непросто даже для капитана.

– Сам я не вижу, может, не туда смотрю... Здесь непременно что-то есть, – задавался он вопросом, кружа по комнате. – Быть может, мне необходим другой глаз? А лучше пара.

Заморское растение с желтыми плодами, стоящее у окна, приветливо кивало от лёгкого ветерка, впитывая последние закатные лучи. Спрут вылил немного воды в глиняный горшок с подсохшей почвой.

– Сколько будет пользы, – отвлекшись, подумал он, – если вырастить такое сокровище на корабле. Хорошо, что опытный садовник обучил меня, как ухаживать за этим полезным кустом, что принесит воистину золотые дары. Даже здесь Бог

подумал про моряков, одарив эти кисловатые плоды такой полезностью.

И снова мысли о деле.

– Рыцари, казначеи, слуги – это сотни людей, тысячи!!!
Словно целый город! Как столько прокормить? Кто же за всё это платит? Пора проверить этот ключик.

Пьёвро взглянул на кучу бумаг, улыбнулся и... понял:

«В этом деле мне тоже понадобится опытный «садовник».

В этот вечер одна из ниточек привела его в Фонтане.

Пьёвро попросил своих людей выяснить, есть ли среди братьев цистерцианского аббатства тот, кто занимается финансами? Ответ пришёл скоро: «Есть такой».

«Мне нужен этот человек!» – решил Спрут.

Глава 6

Всю ночь перед празднеством, что устроил бургундский герцог, никто не спал. Люди ожидали, когда загудит рог, извещающая о наступлении долгожданного рассвета. Под открытым небом всюду пылали костры. Стражникам со стен рыцарский лагерь напоминал крепостную осаду.

Юноша в тёмно-вишнёвом плаще искал друзей, вглядываясь в штандарты. Кисть руки, застыв в благородном жесте, уверенно покоилась на круглом навершии рукояти меча. С улыбкой и гордостью вспоминал он всегда, как торжественно, вместе с клятвой, принимал это бесценное сокровище в подарок. И то, как величественно выглядел отец в старых, но добрых доспехах, что сейчас привычно сидели на нём. Однако, повзрослев, Вейлору пришлось раскошелиться на свой собственный шлем – топхельм отца был великоват. А также на новую сбрую для своего быстрого коня. Выбора особого не было: либо стесняться простоты воинского облачения, либо овладеть мастерством настолько, чтобы не задумываться о первом. Стремясь к лучшей жизни, полной изобилия, он избрал символом своего герба «Полуденное Солнце», добывая мечом желанную славу на турнирах.

Наконец над двумя стоявшими рядом шатрами рыцарь из Шампани увидел «Драконов» на развевающихся полотнах. Вздыбленный Красный Дракон на белом поле изрыгал огонь,

стоя на страже неприкосновенности своего Дома. На другом гербе в языках пламени возлежал Желтый Дракон, охраняющий ключи власти. Молодые дворяне, Уго из Бретиньи и Тибо из Роморантена, радостно встретили друга. Оба франка, облаченные в синие плащи с золотой лилией – символом своего королевства, были ровесниками Вейлора. Ещё с первой встречи на турнире молодых людей объединила страсть к поединкам. Так состязания оказались началом их дружбы, но и дух соперничества, присущий юности, был им не чужд.

Уго в обществе шампанца, как всегда, вытянулся и напрягся. Сидевший в обтяжку тёмно-зелёный бархатный камзол с пряжкой ему только мешал, сдерживая развитую мускулатуру. И случись быть турниру по кулачному бою, он, несомненно, одержал бы много заслуженных побед.

На фоне графа из Бретиньи стройный шатен с маленькой курчавой бородкой и тоненькими усиками казался хрупким. На первый взгляд, для Тибо больше подошла бы лютня, чем меч. И если бы не кольчужка, поблескивающая из-под василькового сюрко, можно было бы предположить, что тот здесь находится случайно. Но друзья не раз были свидетелями того, как тонкий расчёт и силища жилистых рук не оставляли шансов на успех недооценившим его соперникам.

Друзья коротали время за лёгкой беседой, подшучивали друг над другом, стараясь не выказывать волнения. Но вскоре их расчёты о предстоящих сражениях переросли в шутивную перепалку.

– Ставлю пять золотых флоринов, – воскликнул Тибо.

– Тот, кто обойдёт двух других, заберёт всё, – ударив себя в грудь кулаком, поддержал его Уго.

– Дела громче слов! – ответил Вейлор.

– У вас нет шансов, – манерно изрёк Тибо, хвастаясь новым шлемом, украшенным перьями.

Его желание покрасоваться не уступало желанию победить.

– В таком наряде, Тибо, шансов нет ни у кого, даже у самого чёрта! – засмеялся Уго.

Молодые рыцари неторопливо бродили меж палаток в ожидании рассвета. Коротая время, люди у костров пели, рассказывали истории, хвастались подвигами. Друзья оценивающе разглядывали остальных участников турнира, отпуская по сторонам язвительные шуточки. Тыча пальцем в одного из рыцарей и найдя его забавным, Уго указал на обладателя герба «Белый Гусь с красными лапами»:

– Смотрите, смотрите! Какая важная птица к нам залетела!

Оглянувшись, Вейлор с удивлением узнал «Белого гуся» – рыцаря из Зарганса. Свет факела на длинном древке, воткнутом в землю, хорошо высвечивал гладко выбритую голову и морщинистое лицо мужчины: суровый взгляд исподлобья, плотно сжатые губы, мощный подбородок, заросший жесткой бородой. Несмотря на свой возраст, зарганец был хорошо сложен. Скрестив руки на груди, он стоял твёрдо, широко.

ко расставив ноги, обутые в сапоги из кордовской кожи.

– Я уже встречался с хозяином этих красных сапог, – отозвался Вейлор, – он чуть не сбил меня с ног. Нахрапистый, наглый старик. Не думал, что подвернётся шанс научить его манерам.

– Заодно посмотрим, насколько умело эта «птица» держится в седле, – пошутил Тибо.

Друзья расхохотались.

Затрубил рог, и всё мгновенно пришло в движение. Несмотря на кажущуюся суматоху, участники состязаний, их оруженосцы и слуги знали своё дело. Начались последние приготовления.

После утренней службы все устремились на поле, обсуждая на ходу, кто из доблестных рыцарей прибыл на турнир. Трубы приветствовали горожан и гостей. День выдался солнечным и тоже настраивал на праздничный лад.

Арена была окольцована деревянной оградой. Зрительские трибуны щедро украсили тканями и коврами. Для праздника возвели ложи для прекрасных дам и судей. Но самые роскошные, с балдахинном, ожидали герцога и герцогиню со всей их пышной свитой.

Люди выстроились по обе стороны дороги: каждому не терпелось увидеть участников турнира. Когда показались первые боевые кони, толпа загудела. Лучшие воины со всех земель собрались помериться мастерством, крепостью копья

и выучкой коней. Могучие жеребцы были в нарядной сбруе и ярких пополах, расшитых геральдическими знаками известных Домов. Они гордо несли своих хозяев в парадных облачениях.

"Львы", "Кабаны", "Орлы", "Драконы" скалились с полотен, устрашая соперников. Сильные и отважные мужчины возвышались над толпой, принимая как должное собственное превосходство. Рыцари выехали на ристалище великолепной кавалькадой в сопровождении знатных особ, благородных дам и девиц. Весь цвет рыцарства и женской красоты медленно проплывал над восторженной толпой. Было на что посмотреть!

Пылающий взор, сияющие доспехи и громкие титулы – всё это поражало и волновало собравшихся здесь людей.

Рожденные для славы вступали в её зенит!

Но и люди, пришедшие на них поглазеть, являли собой живописную картину. Задолго до турнира прибавилось хлопот у ювелиров и портных. Изысканные наряды и лучшие украшения были на женщинах. Мужчины не уступали им в желании прилюдно покрасоваться, показав собственную значимость и достаток. Пестрели дорогие одежды, сверкали лучшие доспехи, гарцевали самые крепкие и выносливые кони. Сегодня каждый стремился перещеголять других роскошью нарядов, великолепием оружия и количеством свиты.

Несомненно, что впечатлений, разговоров и сплетен лю-

дям хватит до следующего яркого события или потрясения. Сколько бы копий ни сломалось, сколько бы ни треснуло щитов, как бы тяжело ни ранило рыцарей и сколь бы сильно ни повредило их лошадей, молва неизбежно приумножит потери и раздует увиденное. Поскольку во все времена это излюбленный людской способ быть сопричастным к грандиозному явлению.

Вейлор не скрывал радости. Пришло его время! Прошел год изнуряющих тренировок, и юноша был готов заявить о себе – явить миру свою смелость, ловкость и отвагу. Встречая в толпе детские восторженные взгляды, он вспоминал себя, того мальчишку, который так же с восхищением смотрел на рыцарей и мечтал.

– Я сдержал данное себе слово! – шептал он про себя, улыбаясь.

Но турнир для шампанца означал кое-что ещё: от победы зависело его будущее.

Нарядная восторженная толпа проводила взглядами своих кумиров. И наконец, открытие турнира было объявлено. Поединки следовали один за другим. Искусное мастерство выбило хвастовство. И первыми ристалище бесславно покинули лентяи, что с трудом помещались в доспехи. За ними последовали старые воины, пережившие дни своей славы. Пламя в их сердце угасло, как и сила в руке. Бахвальщики и задиры быстро заполнили палатку лекаря.

Друзья были рады, что вместе оказались среди лучших, опередив в мастерстве десятки рыцарей. Наступал их час!

Тибо готовился к очередному поединку. Он был в самом изысканном облачении. Волнистые каштановые волосы спадали на плечи. Ветерок трепал большие перья на его шлеме. Этот высокий рыцарь уже успел снискать симпатии зрителей, особенно прекрасных дам. Сопереживая другу, Вейлор пристально следил за его сшибкой. Всё шло хорошо, и молодой шампанец на мгновение отвлекся, ища глазами на трибунах свою возлюбленную Алейну.

И в этот момент толпа ахнула! Тибо вылетел из седла. Немыслимый удар сокрушил наездника. Копьё разлетелось в мелкие щепы. Это была безоговорочная победа германского рыцаря. Вейлор вскочил со скамьи, испугавшись за друга. Зрители замерли.

Рыцарь из Роморантена лежал неподвижно. Удар был мощным, как таран. Судя по металлическому грохоту, с которым свалился франк, так сильно ещё никому не досталось на турнире. Слуги бросились на помощь к своему господину. Дамы лишились чувств. Напряжение перерастало в тревогу. Тибо так и не шелохнулся. Яркие перья с его шлема, разлетевшись в стороны, валялись на земле.

– Ах! – облегченный вздох пронесся по рядам зрителей, когда правая рука рухнувшего всадника медленно поднялась вверх.

Щит принял удар на себя.

– Рыцарь жив! Повержен, но невредим! – громогласно возвестил герольд.

Зрители загудели. Люди ликовали, приветствуя такой исход. Слуги осторожно отнесли Тибо в шатёр. Несмотря на поражение, благосклонность прекрасного пола была явно на стороне молодого франка.

Вейлор и Уго с нетерпением ожидали своих поединков. Соперников остались единицы. Тибо, снимая с помощью слуг повреждённые доспехи, приходил в себя, когда друзья пришли его поддержать.

– Как ты, дружище?

– Я стал жертвой несправедливости! – громко возмущался Тибо. – Вы видели его коня? Это был самый настоящий бык! Я не преодолел и половины пути, как тот снёс меня, словно взяв на рога!

– Твои поклонники до сих пор сердиться на твоё невезение. Но сегодня ты превзошел себя, – ободрил его Вейлор. – Ты славно бился!

– А его копьё? – продолжал негодовать Тибо. – Оно явно длиннее моего. Слуги проверят. Я уже распорядился.

– Я думал, что этот громила тебя оставит калеккой, а то и того хуже, – посочувствовал шампанец.

– Оставь дурные затеи, – советовал коренастый силач, – в следующий раз ты можешь дорого заплатить.

– Ах, Уго! Знал бы ты, сколько я заплачу за починку этих

доспехов! Таких ещё ни у кого нет! За все то время, что соперники ломали об меня свои копья, я понял, что у Судьбы есть иной замысел! Ей не нужна моя пустая гибель, она желает меня разорить! И только, – с горькой усмешкой ответил Тибо.

– Дорого, но не серьёзно, – заключил Уго, продев палец в свежее отверстие в доспехах роморантенца.

В шатёр заглянул слуга. Пришло время следующего поединка. Уго вышел. За ним последовал и Вейлор, но Тибо порывисто схватил друга за рукав:

– Будь осторожен. Германец самоуверен. Он рано запрокидывает голову. Это всё, что я заметил перед тем, как наелся пыли из-под копыт его лошади, – гримаса боли на мгновение исказила его лицо. – Достань его!

Вейлор утвердительно кивнул и вышел.

Зрители радостно приветствовали рыцаря из Труа. Внешне Вейлор явно проигрывал германцу. Он видел соперника без лат лишь мгновенье: тот был высок и нетерпелив. На этом малом знании рыцарь из Шампани и построил тактику боя.

Флаги вновь взмыли вверх.

Выдох. Контроль. Бросок. Эклер, не смея подвести всадника, вложил в рывок все свои силы. Копыта вырвали и взметнули земляные комья. Ещё не все куски дерна коснулись земли, когда чёрный скакун приблизил своего наездни-

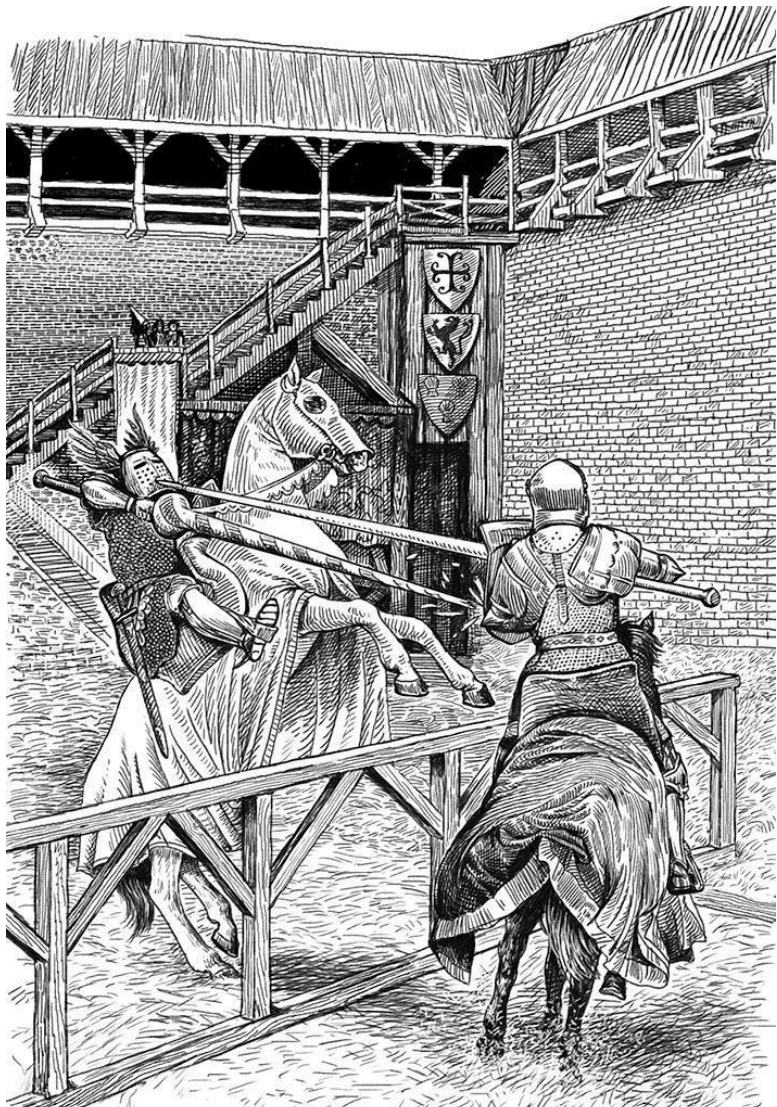
ка к моменту решающего удара. Соперник Вейлора запрокинул голову. Остриё его орудия смотрело в цель.

– Вот оно! – мелькнуло в голове шампанца. – Он слеп! Пора!

Юноша, вспомнив напутствие Тибо, выставил копьё для атаки.

Удар!

Орудие германца ударило вскользь в щит, лишь пошатнув Вейлора в седле. Тот, в свою очередь, угодил германцу прямо в шлем, и соперника откинуло назад. От столкновения его жеребец вздыбился. Тяжёлый наездник вместе с конём рухнул на землю.

Свидетели боя повскакивали с мест. Удивление и восторг охватили зрителей. Рыцарь «Полуденное Солнце» был неподражаем на своём вороном скакуне.

– Вейлор! Вейлор! – восторженно закричали друзья.

Толпа подхватила имя победителя.

– Смотри, Уго! Это я указал ему на слабое место противника, – важно сказал Тибо и мысленно похвалил себя: «Не такой уж я дубина!».

– Да был бы у меня такой конь, – отозвался тот, не особо веря словам друга, – мой соперник валялся бы рядом, как побитый пёс.

Уго, глядя на арену, злорадно засмеялся:

– Посмотрите на него! Проигравший никак не может снять шлем. Как его замяло! Если бы ты, Тибо, вышел против Вейлора, то сейчас твоя башка сорвалась бы с тощей шеи и улетела в толпу.

От удивления глаза Тибо расширились, и он поморщился от этих слов.

Справившись со шлемом, германец стал искать взглядом своего соперника, пытаясь понять, как мальчишка смог вырвать победу у него, непревзойдённого в турнирах рыцаря?!

Вейлор тем временем следовал в свою палатку восстановить силы. Он благодарил коня и шептал ему в ухо:

– Молодчина. Я горжусь тобой.

Юноша воздал хвалу Богу, а также мысленно поблагодарил своего наставника. Старый Мастер каждый раз напутствовал его: «Победить можно любого противника. Главное – отогнать свой страх. И помни, что для птички подходит силоч, а для рыбки нужна сеть».

Зрители, удивлённые неожиданной развязкой, шумно приветствовали нового победителя. Светловолосый юноша старался казаться невозмутимым, но взгляд привычно выхватывал из толпы улыбки красавиц, и душа его парила над землёй. От заветной награды его отделял всего один поединок.

Оставшиеся счастливики боролись за место в главном сражении, поскольку в этих состязаниях лишь один победитель.

Герольд вещал:

– Люди! Герцоги и герцогини! Графы и графини! Бароны и баронессы! Горожане и гости! Мужчины и женщины! Взгляните на этих отважных мужей! Рыцари "Белый Гусь" и "Красный Дракон" одержали равное количество побед. Грядущая сшибка решит исход поединка. Участники сойдутся на ристалище, дабы решить, кто из них достойнейший!

Распорядитель турнира попросил рыцарей приготовиться и ждать сигнала.

Уго вывел коня на позицию. Светлые кудрявые волосы с вихром на крутом лбу делали его похожим на молодого резвого бычка. Он держался уверенно, понимая, что, как только

он проучит заносчивого старика, ему выпадет возможность помериться силой с Вейлором и наконец-то расставить всё на свои места. Решительным движением Уго опустил забрало.

– Пусть победит сильнейший!

Флаг описал дугу, и толпа взревела.

Исход был близок. Соперники уже сломали по два копья. И вот их кони понеслись друг на друга. Все затаили дыхание. Копья скрестились. Железо, что противостояло удару, треснуло. Раздался металлический скрежет. Гость турнира мастерски поразил молодого франка. Тот повалился на землю. Нога выбитого из седла всадника застряла в стремях, сыграв с ним злую шутку. Конь продолжал тащить своего хозяина, поднимая клубы пыли. Встревоженный оруженосец бросился на подмогу.

Хотя удар сразил рыцаря, но не причинил серьезных ранений. Пострадала лишь его честь. Доспехи исполнили свою защитную роль на совесть. Уго высвободился. Он снял шлем и с силой швырнул его в слугу. Лицо покраснело от злости. Рыцарь был в гневе!

– Поглядите! «Дракона» пощипал «Гусь»! – выкрикнули из толпы.

– Проклятье! – ругнулся Вейлор, глядя на происходящее.

Шампанец был раздосадован проигрышем друга. Тибо же не преминул съязвить:

– Вы только гляньте! Кто сказал, что удел пахаря не для

высших сословий? По-моему, у молодого графа к этому талант. Из него выйдет отличный плуг!

Вышедший из схватки победителем рыцарь из Зарганса уже ожидал своего очередного соперника. Он знал своё дело. Все смельчаки, желавшие его одолеть, уже извалялись в грязи. Его крепкая рука отправила их по домам ни с чем. Хозяин красных сапог преподавал урок каждому. Судьба была сегодня не прочь пошутить: зарганец удивил всех. Вейлор ожидал чего угодно, но только не этого. Именно старик с «Гусем» на шлеме стал его главным препятствием на пути! Но рыцарь "Полуденное Солнце" не собирался расставаться с желанной победой. И тем более, отдавать её легко:

– Я так просто не дамся. Пусть попотеет. Сойдёмся, а там как решит Бог! – думал молодой шампанец.

Слова старухи у собора не выходили у Вейлора из головы. «Зачем судьба столкнула нас? Мы бы и так разобрались друг с другом на ристалище. Зачем ей нужно было свести нас раньше? – размышлял Вейлор. – Выиграл бы я или проиграл – это не имеет значения, мы бы всё равно встретились, если этого захотели на небесах. В чём же всё-таки состоял замысел?»

Шлем непривычно сдавливал голову, Вейлор еле справлялся с волнением. Пот лился ручьём. Плечо перестало ныть. Оно просто онемело и не слушалось хозяина. Шампанец готовился. Позади остались два удачных манёвра. Со-

перники шли шаг в шаг, никто не хотел уступать. Напряжение росло. От заветной награды юношу отделял один хороший и меткий удар.

Раздался клич герольда. Соперники в оглушительном рёве труб устремились навстречу своей судьбе. Их было уже не остановить. Друзья Вейлора затаили дыхание. Зрители тоже переживали за своего любимца и зорко следили за действием.

– Господь Всемогущий!

– Смотрите! Смотрите! – кричали со всех сторон.

«Такого не может быть!» – подумал в тот момент каждый присутствующий на турнире, когда оба рыцаря так точно попали в цель, что поразили друг друга одновременно. Какое проявление мастерства! Противники оказались равными в искусстве владения копьём. Столкновение было настолько сильным, что поединщики, потеряв равновесие, с грохотом рухнули с коней.

– Немыслимо!

Все разинули рты. Даже старики не припоминали такого за всю историю дижонских турниров, а то и всей Бургундии.

Герольд объявил, что, поскольку оба рыцаря вылетели из седла и у каждого уже закончились копья, теперь они смогут завершить поединок на мечах.

– Ваше решение? – повернулся он к ним.

Оба рыцаря утвердительно кивнули. Оруженосцы подали мечи, и поединок продолжился. Рыцарь из Зарганса был

старше и опытнее, но всё же в какой-то момент Вейлору удалось выбить меч из его рук. Толпа одобрительно зашумела, предвкушая скорую победу молодого шампанца.

И тут Вейлора словно гром пробудил ото сна:

– Вот он, знак свыше! Господь хотел проверить меня! Важна была не встреча, не поединок, а мой выбор: поразить безоружного или одолеть соперника в честном бою.

И юноша на мгновение застыл, чтобы у рыцаря была возможность поднять оружие. Поняв это, часть зрителей недовольно загудела. Соперник крепко сжал рукоять меча и, воспользовавшись моментом, применил неизвестный доселе Вейлору приём.

Опыт взял верх над молодостью!

Глава 7

Капитан не привык, ввязываясь в чужие дела, обходиться точкой зрения лишь одной из сторон. Не в его правилах было заверять своим словом то, что он не проверял у своих источников лично. И Спрут отправился в путь, зная, где ему нужно остановиться на неопределённое время.

Приют госпитальеров находился при монастыре иоаннитов. Белый восьмиконечный крест в центре чёрного флага звездой сиял под яркими лучами солнца. Ворота обители были распахнуты, и Пьёвро беспрепятственно въехал во двор. Его ждали.

В худшие времена эти стены трещали от притока неизлечимых, больных и раненых. Капитан вспомнил свою последнюю встречу с госпитальерами, как будто это было вчера. Свидетели кровопролитных сражений на Востоке забили трюмы кораблей. Вырвавшиеся из-под ударов арабских мечей искали убежища, война изувечила их тела и души. Жара и море превратили трагедию в кошмар. Гнили раны, распространялась зараза. Лекари не справлялись. Многие отдали Богу душу в пути, так и не сойдя на берег. Команда сходила с ума от бесконечных стонов, те ужасные звуки ещё долго преследовали моряков.

Всё, что Пьёвро увидел тогда, по сей день стояло у него перед глазами.

«Тогда я не взял ни монеты, – вспоминал он, – их командор был у меня в долгу».

Командор Теобальдо вышел навстречу своему давнему приятелю. Коренастый мужчина в красном одеянии Странноприимного Ордена спешил поздороваться. Итальянец, с курчавыми волосами, которые уже начали редеть, искренне улыбался во весь рот, от чего грубая челюсть казалась ещё массивней.

– Капитан! – радостно воскликнул командор, накинувшись на гостя с объятьями.

Рыцарь был далёк от церемоний, не поощрял он и политических игр. Мир его был прост, открыт и приземлён, как и он сам. А подобное приветствие лишь подчеркивало искренность и душевность этого человека. Теобальдо, смеясь, крепко обхватил и приподнял капитана.

– Ты переломишь меня надвое, – прокряхтел тот.

Поумерив свой пыл, командор ослабил дружеские оковы и опустил Пьёвро на землю.

– Я был так рад, получив письмо, – отозвался госпитальер, – о тебе не было вестей несколько лет. Говорили, что тебя давно проглотил кит.

Капитан лишь улыбнулся в ответ.

– А вот он! Стоит передо мной, живой! Целёхонький! Что стало с тем портовым пройдохой? Взгляни на себя. Суров! Ох, суров! – Теобальдо, разглядывая друга, как всегда, тараторил. – Как обветренная скала!

– Я вижу, время тебя тоже не пощадило, – только и смог вставить Пьёвро в радостную тираду темпераментного итальянца.

Сдержанного нормандца словно окатило тёплой волной, давно не испытывал он такой радости в душе.

– Святая Мария! Но что я за хозяин? – всполошился рыцарь, стукнув ладонью себе по лбу. – Держу гостя на пороге! Пойдем скорей. Расскажешь мне пару свежих морских историй.

Спрут перебил приятеля:

– Боюсь, в этот раз рассказывать будешь ты.

По всему было видно, что Спрут рад встрече, но Теобальдо прочитал скрытую серьёзность в его глазах.

– Печально встречаться так, – с некоторой обидой произнёс он. – Я сразу понял, что с хорошими вестями тебя ждать не стоит. Судьба сводит нас с тобой лишь в момент тягот, мой друг. Выкладывай, я всё стерплю.

Пьёвро глубоко вздохнул.

– Я не жду от тебя понимания, – начал он, – это тот случай, когда лучше не задавать вопросов. Прости за тень моих намерений.

– Не думал, что такой человек, как ты, ко всему прочему, станет говорить загадками. Видать, выбора у тебя особого нет, – Теобальдо немного замаялся. – Раз так, тебе не стоит просить извинений. На что ещё нужны друзья?! Я ничего не забыл. И мои люди тоже. Можешь пребывать в обите-

ли, сколько тебе заблагорассудится. Братья с удовольствием разделят и крышу, и хлеб с таким почётным гостем. Я распоряжусь, а что касается ответов, надеюсь, из моей персоны выйдет толковый рассказчик.

Итальянец, вскинув руки к небу, воскликнул:

– Ну, всё. Негоже столько болтать с сухим языком. Утром я поднял из подвала бочонок. Из запасов самого Папы! – многозначительно изрёк радушный хозяин. – Мне не терпелось его почать. Вино уже надышалось. Идём.

В покоях командора было тихо. Праздность и шутки остались за дверью. Мужчины вели свой важный разговор, не переходя к шумному застолью. Скромная монастырская еда не обеднила ни встречу, ни беседу, ни отличное вино.

– Жив ли твой друг, которого ты вызволил из плена? – поинтересовался Тео.

– А что ему сделается? Правда, с той поры он в море ни ногой, из морской черепахи превратился в сухопутную. Тогда на самое дно вместе с кораблём пошла и его прежняя жизнь, – вздохнул нормандец.

Отрезая очередной кусок от сырной головы, итальянец, иронично улыбаясь, спросил:

– Те, кто пленил его, небось, ещё не доели весь сыр. Сколько же ты сыра этого тогда за него отвалил?

Спрут, вспомнив, тоже улыбнулся:

– С того случая мальчишки в руанском порту дразнят бедолагу «сырным королём»!

И оба заразительно засмеялись.

– Ну, что? – наконец спросил Теобальдо. – Что ты хотел узнать? Папские секреты? Или место, где я храню столь добрый напиток?

– Тео, расскажи мне о тамплиерах.

– О!!! – изумился собеседник. – Братья храмовники беспокоят нынче всех и вся. Как, впрочем, и всегда. То, что у церкви, королей и прочих должников есть к ним интерес, мне понятно. А тебе-то что за дело?

– Служба, – капитан ограничился словом.

– Понятно, – поморщился итальянец, догадавшись, что друг задержится ненадолго. – Что ты хочешь о них узнать?

– А ты начни сначала, я тебя поправлю, как заскучаю.

Госпитальер усмехнулся, отхлебнул из кубка и, понимая, что беседа будет долгой, подвинул кувшин поближе.

– Основатели Ордена были бедны, даже не как мы с тобой. Шампанский граф с горсткой рыцарей вызвался защищать паломников, что стекались в ту пору бесконечной рекой к святым местам. Но что могут сделать девять рыцарей против даже малого войска сарацин? Это был не риск, а глупость. Но, видимо, их деяния были угодны Богу. Тогда все потешались над ними. Бесславные, безземельные. Безумцы! Чем они могли похвастать, будучи вторыми сыновьями? Да, да, говорили, что среди них не было первенцев. Ни славы, ни наследства. Чего там говорить! Они разъезжали по двое на одной лошади! Буйные головы, набитые фантазиями и пап-

скими обещаниями: «Сражайтесь за дело Господне, и отпустятся вам грехи на небесах»... Земли, трофеи... Мы тоже верили.

– А теперь? Нет?

Ответа не последовало, Теобальдо молча отхлебнул вина.

– Так их и прозвали: «бедные рыцари Христа», – Тео ненадолго замолчал, вспоминая то, что ему было известно. – Позже король Иерусалима признал их, выделил им пристанище в храме. Им был присвоен крест – символ рыцарей, готовых пролить свою кровь ради освобождения христианских святынь. Дела их пошли в гору, ряды стали пополняться. И не кем-то, а графами и баронами, что охотно жертвовали им свои земли. Вскоре хорошо разжились твои тамплиеры. Сначала они выбили права на собственных капелланов для своих тайных заседаний и отпеваний усопших.

– Так, значит, рыцари призвали на службу монахов? – заинтересованно спросил гость.

– Может, и так, а может, наоборот, – сказал итальянец, понизив голос. – А спустя несколько лет их Магистр Гуго де Пейн, шампанский рыцарь, смог поставить Церковь на своё место. Неслыханная дерзость! Но они до сих пор отчитываются только самому Папе Римскому. Лично! Их могущество и большое влияние распространилось во всех известных землях и не только христианских.

Спрут никогда особо не задумывался, велико ли могущество храмовников. Многие из рассказанного командором по-

ражало его. Он чувствовал себя так, словно его лодку из тихой бухты вдруг вынесло в незнакомое море.

– ...Ни десятины. Ни налогов. Неизвестно точно, как они заимели такое преимущество, – рассуждал Теобальдо, вытирая рукавом промокшую бороду, – но доподлинно известно, что Папа Римский наделил их привилегиями и свободами, невиданными доселе. Это стало хорошим подспорьем в их деле, развязавшим им руки.

– Смахивает на явное давление. Подкуп? Тайна? – вслух перечислял Спрут.

– Об этом расскажет тебе только сам Папа.

Итальянец замолчал, потом прислушался к шорохам и, сверкнув горящими глазами, прошептал:

– Никто, никто не знает их истинных доходов!

Помолчав, Тео с грустью посмотрел на свои огрубевшие ладони и покачал головой.

– Эх! Не та уже сила в руке. Раньше было легко добыть мечом и славу, и серебро. А как теперь иметь достаток без боя? Может быть, и прав Папа Климент, затянувший старую песню своего предшественника, храни его душу, Отче... Как было бы здорово объединиться в новый непобедимый орден! Только не очень-то храмовники спешат делиться своими секретами. Попомни, Пъёвро, мои слова: скорее рыба заговорит, чем лишнего сболтнёт тамплиер. Таинственность – вот что составляет суть этого Ордена, будоража умы простаков вроде нас с тобой!

– Их Орден опасен? – вдруг спросил Спрут. Глядя Теобальдо прямо в глаза, он задал свой главный вопрос
Госпитальер пожал плечами.

– Они дали обет. А устав, что составил для них сам Бернارد Клервоский, запрещает им ранить или убивать христианина. Хотя, по правде, одному Богу известно, чем они там, в Ордене, занимаются. Но я ещё не слыхал, чтобы Орден тамплиеров шёл против единоверцев. Славные воины, хоть и замкнутые.

В речах госпитальера чувствовалось восхищение. После этих слов капитан откинулся на стуле назад и надолго замолчал. Его собеседник допил вино и вернул кубок на стол, с силой стукнув им по столешнице.

– Ну, ты всё узнал, что хотел? – спросил Теобальдо. – Я помог тебе?

Капитан неопределенно покачал головой и ответил:

– Думаю, мне нужно узнать о них побольше, если ты не против.

– Тогда, – подытожил госпитальер, поднимаясь со скамьи, – выйдем на воздух. Пора поразмять ноги.

Глава 8

Дорога на Яффу. 1127 год от Р.Х.

Дни сменяли друг друга. Синие ночи были безжалостно холодны. А с наступлением утра поднявшееся над охристыми дюнами солнце снова раскаляло пески. Навьюченные гордые верблюды отбрасывали искривлённые тени. Караван, вытянувшись в нить, покидал Святую землю. Рыцари – тамплиеры сопровождали паломников в этом нелегком пути. Одна дорога объединяла сотни судеб и тысячи желаний. Купцы везли восточные диковины чужеземцам на удивление. Другие путники, опасаясь за свой заработок и собственную шкуру, находили защиту у храмовников. Бедняки же, искавшие спасения, возвращались, уповая на иную жизнь.

Рыцарь, чуть прищипорив свою лошадь, поравнялся с Гуго де Пейном.

– Ты совсем меня не слушаешь! – возмутился друг. – Гуго! Чем занята твоя голова?

Не расслышав слов собрата по оружию, мужчина с неохотой сбросил капюшон, ухватив длинными пальцами запялённую белую ткань. Чёрные густые волосы тут же дерзко подхватил порыв горячего ветра.

– У меня сердце не на месте от знания того, что мы везём. А ты не повёл и бровью с тех пор, как мы отправились

в путь. Что за раздумья могут быть важнее сохранности нашего груза? А ну, отвечай!

– Ах, Готфрид, старина. За тюки пускай переживает верблюд, они на его горбу. Твои страхи всего лишь мираж, в тебе говорит боязнь неизведанного. Распахни глаза!

Готфрид, понимая слова друга буквально, оглянулся по сторонам. Но вокруг простирались лишь унылые каменистые холмы, скудно поросшие кустарником.

– Как любой человек, я тоже боюсь перемен. Но сегодня Мы – гонимые будущего! Грядёт Божья сила, что изменит привычный уклад!

Стройный мужчина даже привстал в седле.

– Что же это за сила такая? – удивился храмовник, потирая затылок.

В ответ на скуластом лице лишь засияла искренняя улыбка, и Гуго громко расхохотался.

– Мой дорогой друг! Я вижу, каким будет Завтра! Новый мир расцветёт от моря до моря. Дороги свяжут города. На руинах и пустырях вырастут дома и приюты с пышными садами, где деревья будут дарить нам свои золотые плоды.... Ты только представь! – его голос сорвался от сильных эмоций, глаза вспыхнули. Он вдохновенно продолжал:

– На месте лавок ремесленников вырастут целые улицы Мастеров. Для Науки строители возведут настоящие дворцы, а их двери откроют для всех...

Таким являлось ему это удивительное Завтра.

– А таверны? Таверны в этом будущем будут? – с волнением уточнял друг, видимо, спрашивая о важном.

Гуго де Пейн задумчиво погладил рукой тёмную бородку, после чего его тонкие губы сложились в широкую улыбку, и он одобрительно кивнул. Такое виденье завтрашнего дня устраивало Готфрида, и переживания рыцаря отступили.

– А за наш обоз не тревожься. Со стороны ничего не говорит о его важности. Я приказал нескольким братьям облачиться в мирскую одежду. Пускай глаза наблюдающих за нами их не подводят: слабая охрана – маленький груз. Султаны не осмелятся нарушить и без того хрупкий мир, они не станут рисковать за крохи понапрасну. А с разбойниками мы управимся.

Так за разговорами друзья скрасили свой долгий путь домой. Покидая Иерусалим, Гуго де Пейн чувствовал, как мечта зерном прорастает в нём, пронизывая его разум и душу. Зрело новое духовное сознание, рождавшее в умах иное побуждение вынимать меч.

Отважный рыцарь вернулся в родные земли, но это был уже другой человек!

Глава 9

В монастырский садик, укрытый за высокими стенами, не залетал холодный, порывистый ветер. Зелёные «иноземцы» со Средиземноморья прижились и чувствовали себя здесь превосходно. Воздух пах травами и сырой землёй. Зелень еще не увяла, и монахи в дальнем углу сада бережно собирали с грядок каждый листочек травяного покрывала.

Командор Теобальдо был словоохотлив. Пока друзья прогуливались в тени пышных яблонь, его речи звучали без умолку. Спрут, не перебивая, внимательно слушал собеседника.

– После переезда нового главы католической церкви в Авиньон, где он пустил корни во владениях этого жадного короля франков, – эмоционально рассказывал Теобальдо, чавкая сорванным с дерева яблоком, – прости за прямоту, но теперь об объединении двух орденов можно забыть.

– В чем же препятствие?

– Магистр тамплиеров не жалуется вашего короля. Тому даже было отказано в праве вступить в Орден храмовников. Говорят, он был весь красный, приняв отказ за личное оскорбление.

От переизбытка чувств итальянец остановился.

– Они далеко не дураки, чтобы делить заработанное кровью богатство с такой расточительной особой! Когда это бы-

ло слышано, чтобы короли, сидя у пустой казны, выстраивались в очередь получить заём у тамплиеров, – объяснял он, жестами усиливая слова, – ни одному из орденов: ни нам, ни тевтонцам, никому другому – эти войны не принесли такой славы. Не знаю, чего нам не хватило, но у них явно есть секрет! Затворники в церкви, а в бою словно львы. Свидетельствую: воины из них крепкие, сражаются осторожно, но хладнокровно. Мы могли соперничать с ними лишь в доблести и отваге.

Сорванные травинки источали сильные ароматы, хорошо знакомые тем, кто сам врачевал мазями раны товарищей или свои собственные. Удивительно, как это тонкое благоухание смогло отпереть давно заколоченные памятью створы тягостных воспоминаний...

– Борьба за Акру, последний оплот христианского мира, была самой свирепой схваткой на моём веку. Ты видел всё своими глазами. Тамплиеры и госпитальеры стояли плечом к плечу.

Итальянец тяжело задышал, пытаясь справиться с волнением.

– Это сейчас лежебоки судачат о том, как мы могли потерпеть поражение. Тогда, – голос его задрожал, – проливая свою кровь, мы вообще не думали, что кто-либо из нас выживет. Мы бились с целым легионом. Пускай мы и не одолели их, но нанесли смертельное ранение. Таких столкновений ещё долго не будет, уж точно не на нашем с тобой веку.

Вечерело, они остались в саду вдвоём.

– Крестовые походы преследовали и другие цели. Восток был величественен и могуч. Столетия назад сарацины уже посягали на наши земли, дойдя до берегов Луары. Многие рыцари поклялись сдерживать их ценой своей жизни, сделав это своим долгом... И умирают на Пиренеях по сей день.

– Выходит, это столкновение было неизбежно? – уточнил капитан.

– Да. Решено было биться на их землях и не ждать, пока они придут к нам в дом.

Госпитальер медленно опустился на холодную скамью и склонил голову.

– Утомила что-то меня наша болтовня, Пьёвро.

– Тео, – побеспокоился Спрут, чувствуя переживания друга, – это больше, чем я ожидал. Благодарю тебя, мой дорогой.

– Рад, что помог старому другу, – отозвался тот.

– Я жду одного молодого человека, его имя Ги, – продолжил Пьёвро, – мы договорились встретиться здесь.

Теобальдо утвердительно закивал:

– Я дам знать, как он объявится. Непременно... А ты ступай, отдохни. Я ещё посижу немного на воздухе...

Глава 10

Для Вейлора всё рухнуло в пропасть. Он угрюмо плёлся по дороге, давая коню отдых после турнира. Раздосадованный рыцарь открывал душу своему молчаливому четвероногому слушателю:

– Я поставил Благородство выше Любви. И проиграл. Но другой выбор терзал бы меня не меньше.

Он говорил эмоционально, размахивал руками, а конь шел за ним следом и тряс гривой, как бы соглашаясь с хозяином. Капли вечерней росы, словно рассыпанное по траве жемчужное ожерелье, переливались в сиянии луны.

– Взгляни на неё, – Вейлор устремил свои синие очи вверх, – вот она снова щедро изливает своё серебро. Сегодня это единственное богатство, на которое мы можем рассчитывать!

Остановившись, юноша запахнул плащ плотнее и снова зашагал по дороге, ведя коня в поводу.

– Голубые сапфиры из лавки Бэхора теперь отдалились от меня дальше, чем это небесное светило, – закончил он грустное своё повествование.

Дорога привела его к роще.

– Побудь здесь, – сказал юноша, заглянув в умные лошадиные глаза, – я не заставлю себя долго ждать, если только отец Алейны не спустит на меня своих псов.

Конь, не соглашаясь, затряс головой.

– Нет. Нет. Тут тебе не ристалище, на полном скаку не проскочишь.

Душа Вейлора искала утешения. И он поспешил в надежде застать девушку в условленном месте.

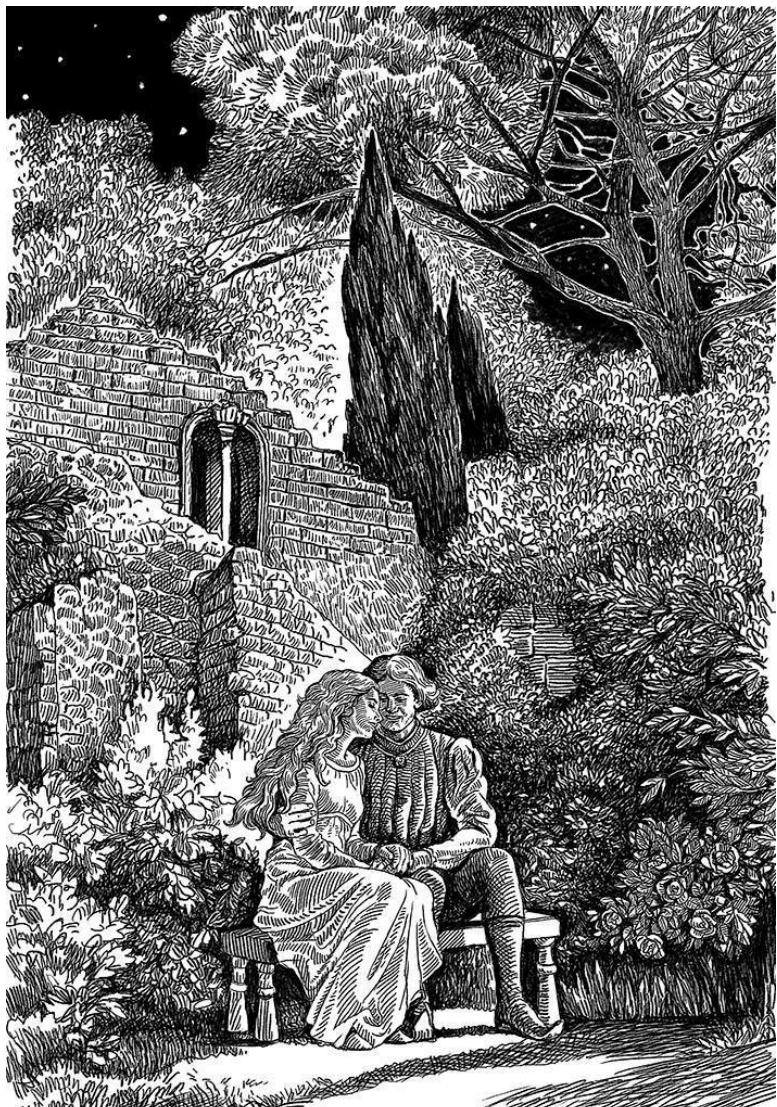
– Только бы она была там, – повторял он, как заклинание.

Сердце юноши радостно забилося, когда он увидел знакомый силуэт в тени деревьев. Подбежав, он обратился к девушке:

– Алейна! Я искал вас весь день!

– Отец запретил мне покидать дом, – отозвалась молодая графиня, – и я не могла его послушаться.

Он взял её руки в свои ладони. Почувствовав, как они холодны, решил согреть их своим тёплым дыханием. В сумрачном свете возлюбленная казалась Вейлору прекрасным бестелесным ангелом с небес. Юность к лицу любой девушке, но его избранница действительно была прекрасна: тонкий

стан, пышные каштановые волосы, огромные глаза цвета неба. Неспроста родители нарекли её Красавицей.

– Вы совсем замёрзли, душа моя. Ещё немного, и вы превратились бы в одну из этих застывших статуй.

– Это просто ночная прохлада, – уклонилась от ответа девушка.

Алейна впервые видела Вейлора таким грустным, и ей не хотелось огорчать его ещё больше. Она действительно долго ждала его.

Было по-осеннему сыро. В саду не хватало запаха цветов, которые встречали Вейлора раньше. Они присели на скамеечку, и юноша укрыл плащом свою возлюбленную. Шепот влюблённых почти сливался с шелестом листвы.

– Прелестная Алейна, я вновь посвятил Вам свой подвиг, сражаясь в вашу честь!

Щеки девушки порозовели, она смущенно улыбнулась.

– Я помню эту детскую клятву посвящать мне, скромной деве, все ваши подвиги.

– К сожалению, вас не было на турнире. Может быть, именно этого мне и не хватило для полной победы, и она ускользнула из моих рук.

– Это не повод так горевать, – сказала Алейна, желая его подбодрить. – Поведайте мне о турнире. И ещё раз расскажите, как же удалось одолеть этого непобедимого германца.

Я столько раз слышала об этом от слуг.

Рассказ молодого рыцаря был эмоциональным, он снова переживал свой триумф в том поединке. Увлёкшись, он вскочил на скамью, голос его стал громче.

– Тише, тише, мой друг! Если услышат, участь наша будет незавидной.

Вейлор успокоил девушку:

– Скоро всё изменится, придёт зима, и я попрошу вашей руки.

– Матушка говорит, что отец скорее сошлёт меня в монастырь, чем выдаст за жениха без наследства.

Юноша нежно обнял Алейну и стал гладить её роскошные волосы. Они молчали. Вдалеке послышались шаги. Влюбленные наскоро простились. Шампанец, укрывшись тёмным плащом, отступил в тень к каменной ограде.

На террасе показался отец девушки:

– Алейна, козочка моя, что ты делаешь в саду одна? Не верю я, что ради песенок ночных птиц ты топчешь меховой туфелькой мокрую траву. Эй, слуги, живей огня!

Опасаясь быть разоблачённым и навлечь позор на возлюбленную, рыцарь бесшумно перемахнул через стену и скрылся. В тот же момент люди графа замечались по саду.

– Если этот хвостун появится здесь, – гневался старый граф, – я сам его проучу! Не посмотрю, что он из благородного Дома. Идём!

И отец решительно зашагал по галерее. Леди Алейна, по-

добрав подол платья, выпрямилась, вздёрнула подбородок и величественно прошествовала за ним.

В роще Вейлора терпеливо ждал его верный друг, только ему мог поведать юный рыцарь свои печали. Он обнял коня за шею. Эклер, почувствовав настроение хозяина, беспокойно затоптался на месте.

– Да, да, дружище, печаль теснит возвышенные чувства.

Конь зафыркал в ответ.

– Что я могу поделать? Поедем, угощу тебя сеном и ключевой водой, хотя бы ты будешь доволен, – с грустными мыслями Вейлор медленно удалялся от замка.

Два всадника в синих с золотом плащах нагнали шампанца, окликнув его:

– Ба! Да это же наш победитель влачит поджатый хвост!

Хоть конь выглядит горделиво.

– Мы знали, где тебя искать.

– Тебя опять одолел старик? – сострил Уго.

Вейлор покраснел.

– Нашел о чём горевать! – ободрил друга Тибо. – Столько юных прелестниц наблюдало за турниром. И все они смотрели на тебя с обожанием. Счастливец!

– Ты неправ, Тибо. Чтобы красивая женщина была рядом, нужна звонкая монета, – заметил Уго и добавил перчинки в разговор, – а если ты намерен жениться, то понадобится

намного больше, чем мешок серебра!

– Отец девушки хоть и благородного происхождения, но беден. Поэтому ищет для своей единственной дочери богатого жениха, – согласился Тибо, – ведь она его последнее сокровище.

Вейлор резко выпрямился в седле и твердо произнёс:

– В Рождество на королевском турнире я буду вновь сражаться. Вот тогда и посмотрим, кто одержит верх!

Уго резко остановил коня:

– Ты не сможешь победить, если снова будешь источать только благородство. Поединок есть поединок!

Вейлор, потянув к себе поводья, резко остановил коня:

– Что ты понимаешь в поединках? Моё поражение меня не унизило, но помогло моему сопернику сохранить своё достоинство. Будь на моём месте легендарный Ульрих, он поступил бы так же!

Тибо вмешался:

– Ну-ну, поединчики. Лучше отпразднуем наши победы. Если уж не довелось нам при рождении опередить братьев, добьёмся славы на турнире или в походе! Не всё ли равно, где вынимать меч! Вот твой выигрыш, Вейлор.

Тибо бросил шампанцу мешочек с монетами.

– Держи!

– Поспешим. Нас ждут на пиру, – поторопил друзей Уго и, хитро прищурился, добавил, – в другой раз проверите: возьмет ли трактирщик вместо денег ваши расшаркивания

или позовёт слуг, чтобы задали вам хорошую трёпку.

Молодые рыцари засмеялись. Их кони галопом понеслись, вздымая дорожную пыль, устремляясь вдаль, к замку герцога.

Глава 11

Столетние мосты были единственной переправой к королевскому замку. Остров Сите со всех сторон окружала река, однако это вовсе не являлось преградой для осеннего солнца. Первые лучи крадучись миновали зелёные равнины, заблестели в безмятежных потоках Сены. Проскользнув по мостовой, они весело заиграли в дворцовых витражах, затем перекинулись на площадь, чтобы порадовать обывателей.

Сердце Парижа пробуждалось. Кузнецы только растапливали печи, ставя подмастерьев на меха. А рыбаки с уловом, слава Всевышнему, уже занимали выгодные торговые места. Были и те, кто не уходил с ночи. Стражники, дождавшись утра, привычно меняли караулы. С соседней улицы наконец повеяло свежим хлебом. Постепенно на остров стекались люди, многоголосый гомон заполнял площадь и улочки.

Солнце поднималось всё выше, сдвигая четкую грань светотени. Скрываясь от слепящих лучей, в тени провисающего тканого карниза укрылся человек. Стоя у прилавка, Спрут с аппетитом уплетал просоленную сельдь. Опершись плечом о стену, он задумчиво разглядывал здание напротив. Рыбацкая лавка тоже смотрела на дом с кованой дверью и галереей. Покончив с рыбёшкой, он вытер губы рукавом и зашагал через площадь.

Отворивший дверь слуга сообщил, что господин ожидает его и готов принять. Внизу у лестницы вошедшего встретила охрана из нескольких человек. Оснащённость воинов была сравнима разве что с хранителями королевской казны. Пьёвро невольно отметил, что подобное излишество подчеркивает выраженное самолюбие нанимателя: «В лучшие годы я бы смог форт удерживать таким гарнизоном, не то что защищать амбиции одного человека».

Стража, пропуская капитана, проводила его пристальными взглядами.

В гостиной было тесновато. Явно бросалось в глаза странное сочетание: обилие дорогой утвари и отсутствие хорошего вкуса одновременно. Поднимаясь по скрипучей лестнице, Спрут успел заметить дорогие кубки, подсвечники, гобелены. На стенах под потолком висели чучела хищников и различные охотничьи трофеи. Дом громко заявлял о нравах и предпочтениях жильца и его неумеренном аппетите.

Хозяин готовился к обеду. Господину подали вино, различную снедь, фрукты и небольшой котёл. Похлёбка совсем недавно была снята с огня. Горячий пар из-под крышки, растянувшись тонкой струйкой, ускользал в окошко, напрямик на городскую площадь. Запах показался Спруту знакомым. Поль, заметив капитана, жестом пригласил того ближе к столу.

– Я ожидал вас, – начал он, не отрываясь от тарелки, – неужели слухи правдивы, и ваши паруса всегда полны попут-

ного ветра?

Спрут промолчал. Вероятно, «удачливость» и определила его участие в этом неожиданно возникшем деле. Хотя сообразительности, надёжности и нечеловеческой хватки ему было не занимать. Пьёвро подумал, что Поль любит держать всё в своих коротких, пухлых, скользких ручонках, не пропуская мимо себя ничего, включая слухи.

Крупный, упитанный человек на удивление ловко балансировал на едва видневшемся под ним трёхногом стуле. Образы бывают обманчивы. Видимо, тучность не стала для него обузой. Это объясняло сноровку и точно передавало изворотливый характер хозяина.

– У меня сегодня особое блюдо, – самодовольно произнёс Поль, в то время как его глаза прямо-таки сверлили гостя, – не составите ли мне компанию, капитан? Обедать в одиночестве как-то неблагородно.

Он поднял коротенькими ручками крышку над котлом, клубы пара и жар тут же вырвались наружу. Толстые шишковидные пальцы держали ложку. Поль небрежным движением поднял гущу со дна.

Спрут поморщился.

«Этот нахал ничего другого выкинуть просто не мог. Варёный осьминог! – Спрут сжал губы и выругался про себя: – Ах ты грязный ублюдок!»

Он еле сдерживался, чтобы не ответить на эту неуместную выходку.

Толстяк же ликовал. Круглое лицо скривилось в улыбке, обнажившей острые, редкие зубы. Блеснувший оскал не оставлял сомнений: будешь дёргаться – вопьёмся еще сильнее.

В любой другой раз подобного наглеца капитан зарубил бы на месте, но сейчас, успокоив бурю внутри себя, лишь хладнокровно ответил:

– Я не голоден.

В этот момент ему подумалось: «Любит ходить по краю. Мало ему ощущать опасность игры, он хочет подёргать за все ниточки... Но я встречал шторма и посильней».

– Мне нужна поддержка влиятельной стороны, чтобы не путаться у ваших людей под ногами, – Спрут сменил тему.

– Безусловно. Нам ни к чему, чтобы люди задавали лишние вопросы. Я рад, что вы усвоили, как здесь ведутся дела.

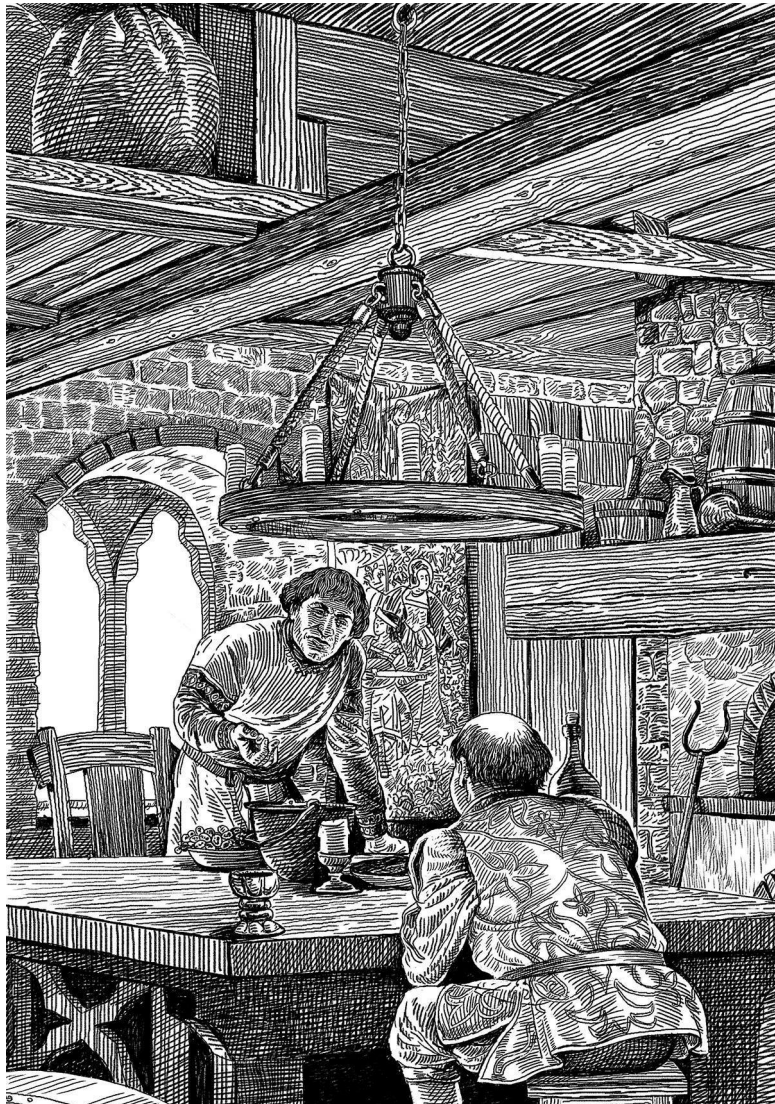
Не скрывая азарта, Поль покровительственным тоном вел разговор по своим правилам и упивался ходом беседы. Он взял в руку свёрнутый лист и помахал им:

– Вот. Читайте, что это ваш пропуск с печатью Королевского Двора.

– Ещё мне нужен человек для грязной работы, к которому вы не будете питать жалости, и чьи дела не приведут к вам.

– Подобного сброда полно в городской темнице, – небрежным тоном ответил хозяин.

– Среди них есть те, кому хватит сил и духа на рискованное поручение? – обратился Спрут к Полю.

– Разумеется, – хозяин погрозил пальцем, – но запомните главное: их провал – это ваш провал.

Толстяк брезгливо, с нескрываемым презрением, швырнул бумагу на стол. Под крылом могущественных покровителей люди теряют страх. Спрут смотрел, как этот «надутый пузырь» получает удовлетворение, щёлкая рычажками власти над ним, волевым и сильным человеком. И думал: «Давить до одури на простых людей надоедает даже деспотам, имеющим дикую одержимость». Ставки росли, ослепляя игрока. Издёвки Поля заставили Пьёвро взвесить, стоит ли озвучивать все свои сомнения.

– Мне не удалось пока найти неопровержимые доказательства о причастности Ордена Храма к чему-либо незаконному. Их открытая сторона достойна и чиста, несколько их не порочит. Однако всем есть что скрывать, а те, кто прячется за богатством, что-то утаивают наверняка. Их нужно вывести на чистую воду.

Неожиданно Спрут сделал шаг к столу. Не отрывая пристального взгляда от собеседника, он медленно наклонился и взял в руку самую крупную виноградину.

– Найдём их сокровища, найдём и их слабости. А там – все само вылезет наружу.

Он с силой сдвинул ягоду, та, брызнув соком, лопнула. В этот момент Пьёвро почувствовал появившееся напряжение

собеседника. Вино колыхнулось в бокале. Моряк учуял новый запах. Так пахнет трус. Липкие капли влаги выступили у Поля на лбу.

Капитан медленно шагнул назад. Слизнув с пальца сладкую виноградную мякоть, продолжил:

– Тамплиеры хитры умом. В их бумагах присутствует некий шифр. За ним скрывается что-то, написанное не для чужих глаз. Мои источники уверены, что в Фонтане есть люди, способные пролить на это свет. Пока это всё. Чтобы потопить даже большую лодку, хватит и одной пробоины.

Поль, овладев собой, спросил:

– Вы находите это ценным?

– Ставлю свою репутацию, – ответил Спрут.

Поль хихикнул в ответ. Капитану это явно не понравилось.

– Смотрите, чтобы она не закончила так, как эта виноградадина, – и хозяин вновь продолжил свой обед.

Поль принимал свой порок, наверное, даже пестовал и всячески подпитывал его. Спрут видел, как бездонная пасть, неряшливо, не разжёвывая, поглощала пищу кусками. О здоровом аппетите речь и не шла. Людям такого склада всегда всего мало. У них пропасть вместо желудка и кошелька, все поглощающая пустота. Как, впрочем, и на месте души.

«Мало» – это не количество и не мера, «мало» – это их кредо.

Аудиенция была окончена.

Забрав со стола бумагу, капитан резко развернулся и вышел.

Глава 12

Внутри замка герцога взору молодых рыцарей открылся роскошный зал со сводчатым потолком. Ярко пылали факелы и свечи. С гобеленов на гостей взирали прекрасные дамы и отважные рыцари, изображённые на фоне своих богатых владений. Создавая праздничный настрой, играли музыканты. Звучали озорные дудки с бубнами наперебой.

Заблаговременно был растоплен камин, накрыты столы. Работа на кухне закипела ещё с первыми лучами солнца. Повара старались угодить самому изощрённому вкусу, подыскивая лучшие, изысканные рецепты. Дорогой пряный шафран окрашивал блюда в красивый жёлто-золотистый цвет. Белый миндаль, красная земляника, зелень садовых трав – все это великолепии разжигало аппетит. Слуги важно и неторопливо подносили гостям всё новые угощения. Торжественно вносились в зал мясные деликатесы. На столах появились нежные гуси, обложенные яблоками. За ними последовали цыплята с зажаренной золотистой корочкой.

В центре застолья на массивном троне с замысловатой резьбой восседал герцог. Герцогиня – по правую руку от супруга. По обе стороны от них раскинулись широкие скамьи для гостей. Вейлор и его друзья выступали на поединках со стороны хозяев замка, их и усадили вместе, ближе к герцогу. Гости турнира, рыцари из дальних земель, сидели за сто-

лами напротив. Победители и знать занимали почётные места под знамёнами со своими гербами. Большой ковёр замыкал это праздничное кольцо. На нём, потешая присутствующих, изощрялись шуты, демонстрируя чудеса акробатической ловкости.

Двое слуг поставили перед друзьями поднос с жареным поросёнком, овощами и телятиной. Уго, оторвав кусок сочного мяса, стал есть.

– Вы только гляньте! Нам подали телёнка! – удивлялся Тибо. – Подобное угощение сойдёт только для бесчувственного крестьянского желудка.

– Тем, кто желает удержаться в седле, нужно вкушать настоящее мясо для возвращения плоти, – вытирая ладонью пухлые губы, ответил жующий Уго.

– Тибо, – окликнул друга Вейлор, – а вот мелкие пичужки. Они сойдут для изнеженной натуры?

– Превосходно! Ты знаешь, как порадовать друга; ведь эти крылатые создания возносятся так высоко, к самому Господнему престолу!

Радостный шум заполнил зал, всюду оживлённо обсуждали завершившееся событие. Торжественный ореол пиршества вперемешку с пережитыми яркими впечатлениями окончательно опьянил гостей.

Вейлор, находясь в приподнятом настроении, зазывал друзей на соколиную охоту, желая продлить столь приятное общение. Шампанец предложил молодым франкам по-

гостить у него в отцовском замке, заодно вместе потренироваться. Обычно они сразу соглашались, поэтому юноша очень удивился их дружному отказу.

– Последнее время у меня прибавилось хлопот. Мой отец стар, и память старика, как сито, – злился Уго, – приходится самому браться за дела, к тому же король просил не выезжать из поместья.

– Я тоже получил письмо от Его Величества, – поддержал Тибо, – кстати, я жду со дня на день прибытия торговцев тканями и итальянских портных. Мне пора обновлять наряды. В этом старье, что на мне надето, нельзя и в поля выйти, не то что показаться при Королевском Дворе.

Тибо небрежно коснулся изящными пальцами своего роскошного одеяния и томно добавил:

– Вейлор, придётся тебе обойтись без компании в этот раз. Встретимся зимой на королевском турнире.

– Опять турнир! – вмешался в разговор Уго. – Вот времена! Нет настоящего мужского дела, где бы сгодились наше мастерство. Шестнадцать лет уже нет достойных походов.

– Затеваается что-то, – перебил друга Тибо, – поговаривают, сам Жак де Моле покинул свою резиденцию на Кипре. И Великому Магистру тамплиеров вскоре понадобятся храбрые рыцари, вроде нас.

– Новый поход? – с изумлением спросил Вейлор.

– В таком случае, король не упустит возможности пополнить казну. Я слышал, он даже пригласил Магистра на ауди-

енцию. И непременно приобщит меня к стоящему делу, – хвастливо произнес Уго, высокомерно задрав вихрастую голову на бычьей шее.

– Аромат здешних вин заставляет тебя верить каждому слову, – засмеялся Тибо.

Он с интересом разглядывал красавиц.

– Тамплиеры чётко различают святую войну и примитивный разбой. У них с королём различные взгляды на цели военного похода. А что касается тебя, – Тибо оценивающе взглянул на приятеля, – Филиппу нужны головорезы, а не забияки!

И роморантенец, убрав густые локоны с лица, перевёл взгляд в сторону. От услышанного Уго поперхнулся.

– Погляди на себя, страус!

– Ты каждый разговор преподносишь, как поединок, – небрежно отмахнулся Тибо.

– Да я одолел больше противников, чем ты. А уступить лучшему не так досадно. Ведь так, Вейлор! – утешал себя захмелевший Уго, ожидая поддержки шампанца.

Вейлор промолчал, в этот момент все его мысли занимала Алейна.

– Мои дорогие гости! – раздался голос герцога. – Позвольте Вам представить нашего поэта. Бруно Сладкогласный своими возвышенными сочинениями украсит наш праздник.

– Дорогой Бруно! Прошу вас что-нибудь наивное и целомудренное, – высказала своё пожелание герцогиня.

– Ваша Светлость, моя новая песня будет исполнена в Вашу честь, – и Бруно поклонился прекрасной хозяйке дома. Зазвенела лютя. Все взоры устремились к поющему.

*О чувствах, сердцу что пригодны,
И слушателю так угодны,
Я приоткрою занавес,
Ведь стал свидетелем чудес.
Охотник жил у черты леса.
О нём расскажет эта пьеса.
Как сердце к деве отозвалось.
Других оно не признавало.
И краше пары не сыскать,
Что мне заблудшему гадать.
Она есть ангел, он храбрец.
Один пророчили конец.
Но в их судьбу вмешалась злоба.
Ох, нежеланная особа!
Недуг её забрать решил,
Он истязал её, душил.
К Аиду был назначен час,
Желал отнять её у нас.
Сломило это паренька,
Ослабла крепкая рука.
И на очередной охоте,
Когда олень застрял в болоте,*

Охотник лук свой опустил.
Добыче жизнь он подарил.
Как мог отнять он дар другого,
Когда был сам лишён покоя?!
Судеб желанье отвергал,
В любви лишь он покой искал,
Когда ты, снов не глядя, бодр.
Весной цветёт весь год природа.
Глаза любимой всюду видишь,
В ручье бегущем пенье слышишь.
Но краски подменило горе,
Добро отняв, вложив худое.
Тоску вдруг разглядел Дух Леса,
Что источал душой повеса,
И сжалился над человеком Он,
Над тем, что стал в разлад с грехом.
Златыми завертев рогами,
Зверь заговорил устами.
О тайне озера вещал,
Чтоб тот источник отыскал.
«Он жизнь подарит ей вторую,
Коль ты избрал стезю другую!»
Охотник на колени пал.
«Веди её» – так он сказал.
Мужчина к дому возвратился,
В покои девушки вломился.

И время тратить он не смеет.
Избранница уже хладеет,
Святых увидела в бреду.
Жених унёс её во тьму.
Тот пруд в ночи он отыскал,
Дрожа, как лист, что опоздал.
И муж, наказу повинуюсь,
Лишь о её судьбе волнуюсь,
Он подошел, трясясь, к истоку.
На волю отдал он потоку
Свою любовь. Судьбу доверил,
В слова волшебные поверив.
И тело поглотила гладь,
По зеркалу пуская рябь.
Как вдруг зажглись потоки светом,
Волна пошла на месте этом.
Со дна фонтан извергся в небо!
Всё колдовством казалось это.
И вспыхкой завершился акт.
А сердце юное не в такт
Забилось, встретив милый взгляд,
Знакомый столько лет подряд.
На берег из пучин явился,
Как образ девы растворился,
Олень пугливый, с толку сбитый,
Лесными чарами покрытый.

Увидев лук и злые стрелы,
Что угрожающе блестели.
И парня не признав, подруга
Сорвалась с места от испуга.
В кустах терновых затерялась.
Так с женихом она расталась.
Не зная жизни без любимой,
Охотник, горечью томимый,
Дорогу к людям позабыл.
Отбросил лук. Таков он был.
Года минули, но молва
Ещё тревожила уста.
И на опушке иногда,
Кого обрадует судьба,
Увидит в ярком свете дня
Оленей двух и их дитя.
Случилось жизни торжество,
Любви подвластно колдовство!

Пока звучала музыка, девушки перешёптывались, поглядывая на мужественных участников турнира, пытаясь предугадать, с кем из них сведет их музыка в танце. По девичьим взглядам было понятно, что Тибо у слабого пола отмечен особым вниманием.

– Какие громкие дудки, – воскликнул роморантенец, – это вредно для моих ушей. Музыканты явно приглашены из ка-

кой-то глуши.

Вейлор, устав от разговоров, снова погрузился в собственные мысли. Приятный баритон незаметно увлек юношу во владения грёз, перенеся за пределы этих каменных стен, за окраины полей. Туда, где молодое сердце билось сильнее. А чувственные слова, слетавшие с уст поэта, казались отражением немой тоски его души.

– Обожаю поэзию! – сказал Тибо, томно закатив глаза.

А в ответ услышал громкий хохот Уго:

– Это оттого, что ты в ней ничего не смыслишь!

Вновь зазвучала музыка, теперь в честь победителя. Когда смолкла торжественная песнь, триумфатор сам подошел к Вейлору и, поклонившись, сказал:

– В былые времена победитель забирал и коня, и доспехи, а то и пленял побеждённого. Вы, мой юный друг, человек чести! Поединок с вами – уже награда. Я оценил ваш благородный порыв.

– Я думал, что в ваших краях есть только один легендарный герой – Ульрих Лихтенштейнский.

– Вы правы, легендарный там только один. Я всего лишь старик. Но я сразился с ним однажды. Тогда ещё сердце не уставало и глаз не одолевала мутность. Он был на моём месте. Седой, упрямый, гордый. Такой неукротимый! Отправил меня в лазарет, сразил с такой лёгкостью, будто проделывал это в сотый раз. Понадобились годы, чтобы разгадать его секрет. Такой самородок – один на тысячу!

Его взгляд устремился вдаль, он словно вглядывался в прошлое.

– Были времена! Теперь рыцарь мельчает. Я стар для ярких лучей славы и пышных приёмов. Поединок – это поток воздуха, который пьянит, продлевая мне жизнь. Пропитанный гарью и кровью, тот, что окрестил нас в бою, лишая права на другую жизнь. Годы берут своё, а ты ещё не готов сдаваться, не затеяв хорошей драки. Вот и готовлю свой меч снова и снова. Приму свою старость, когда проиграю, когда юнец застанет меня врасплох. Сегодня вы отсрочили мой уход своим благородным поступком.

Он ещё раз с достоинством поклонился. Искренние слова рыцаря смутили юношу, он покраснел и поклонился в ответ.

Турнир закончился совсем не так, как хотелось бы Вейлору, но всё же после этих слов на душе стало теплее.

Громкий стук в дверь разбудил Вейлора утром. На пороге застыл голубоглазый мальчуган.

– Мне велено отыскать Вейлора де Труа. Я уверен, что это его вороной конь стоит у коновязи.

Вейлор, протирая сонные глаза, отозвался:

– Кто спрашивает?

– Я, Флорентик, сын кузнеца.

Мальчик обтёр руки о штаны и продолжил:

– Господин, назовите, что изображено на вашем гербе? Я должен убедиться, что не ошибся.

– «Полуденное Солнце».

– У меня послание от вашего дяди. Он будет ждать вас после утренней молитвы у собора Нотр-Дам, в Дижоне его каждый покажет.

– Мой дядя здесь? Передай ему, что я буду непременно.

С дядей Андре он не виделся много лет. Вейлор стал спешно одеваться.

Мальчик коснулся меча.

– У вас славный меч! Прочный, гибкий и очень острый! – сын кузнеца разбирался в оружии не по возрасту.

– Ты ещё здесь?

– Я жду награды, обещанной вашим дядей.

Вейлор взглянул в широко распахнутые детские глаза и протянул гонцу мелкую монетку. Мальчик с достоинством поклонился и вышел.

«Смышлёный», – отметил молодой рыцарь, сбегая вниз по ступенькам.

Многие приехавшие в Дижон мечтали вознести хвалу Всевышнему в величественном соборе, в этом месте благодати. На площади было многолюдно. Вейлор некоторое время вглядывался в прохожих. Наконец он обратил внимание на мужчину, стоящего по ту сторону дороги. Тот тоже пристально разглядывал молодого рыцаря. Парень не сразу узнал дядю. Молодым все старики издали кажутся одинаковыми: белая голова, полнота, пришедшая к ним так некстати,

и лицо с морщинами. Этот господин, явно желающий скрыть свою личность за курчавой бородой и дорогим расшитым узорами полукафтаном, не был исключением. Шампанец сомневался, пока не увидел знакомую с детства улыбку. Сердце тут же обрадовалось, и юноша позвал дядю по имени:

– Андре!

Тот подал еле заметный знак рукой и, убедившись, что племянник его увидел, развернулся и не торопясь пошел вдоль узкого, без пристроек и часовен, здания собора. Вейлор прибавил шаг. Свернув на неприметную улочку, оба оказались у маленькой дверцы; толкнув её, дядя исчез в проёме. Войдя следом, рыцарь попал в сад. Взгляду предстали пышные кустарники. Их обращенные к солнцу ветви еще радовали глаз зеленью. Но те, что попали в тень, уже примерили праздничные одеяния, которые неспешно вязала осень.

Седовласый дворянин сел на скамью рядом с фонтанчиком, указав на место подле себя.

– Мой мальчик, как ты вырос, позволь мне получше разглядеть тебя. Андре не без удовольствия отметил, что его племянник крепок и силён – настоящий воин.

– Да благословит тебя Господь!

Вейлор был очень удивлён такой встречей. Не сразу найдя нужные слова, он смущенно улыбался. Последний раз судьба сводила их вместе зим шесть назад.

– Как ваше драгоценное здоровье, дядюшка?

– Милостью Божьей. Что это мы обо мне? Ты нынче побе-

дитель! Позволь мне порадоваться за тебя. Ты одержал славную победу над... своим тщеславием.

Вейлор снова смутился.

– Поверь мне, об этом ещё долго будут судачить! При других обстоятельствах, возможно, у рыцаря из Зарганса не было бы шансов на победу. На все четыре стороны уже разносятся вести. От замка до винодельни, от монастыря до мельницы все пересказывают твои подвиги: как в одном бою был повержен бывалый германский воин и как великодушен был в главном поединке юный Вейлор де Труа. Второе мне больше по душе.

– Дядя, так вы были на турнире?

– Только ленивый не был там! Рад, что самому довелось увидеть твой триумф.

– Вы, как всегда, оказались рядом. Жаль, отец никогда не разделял моей страсти к поединкам, – с грустью отозвался юноша, отведя глаза в сторону.

– Поверь, ты к нему несправедлив. Старик дорожит тобой, когда-нибудь сам в этом убедишься.

Андре, не желая окрасить грустью и без того редкую встречу, решил направить разговор в иное русло:

– Наверное, ты удивлён таким приёмом?

Вейлор смущенно закивал. Дядя приобнял племянника за плечи.

– У меня к тебе есть просьба, думаю, ты не откажешь старику. Вознаграждениями от турниров не разбогатеешь, я же

предлагаю тебе выгодную службу, заодно поправишь свои финансовые дела.

– В Рождество все рыцари съезжаются в Париж на королевский турнир. Я тоже хотел бы там быть.

– Вот и славно, всё складывается хорошо. До этого времени тебе предстоит увлекательная поездка в земли, где текут бурные реки, а горы столь высоки, что даже облакам приходится их перешагивать. Там чего только не увидишь! Если у тебя есть красавица на примете, то её обрадует украшение с великолепным смарагдом или перлом. Говорят, что местным ювелирам тайны мастерства открыли горные гномы.

– Дядюшка, я уже вырос, а вы опять увлекаете меня сказочными историями.

– А чтобы в дороге не было скучно, – продолжал дядя, – тебя сопроводит старый друг. Мне уже пора, мой дорогой. Завтра в полдень будь в таверне «Одинокий филин», тебя узнают. Что до меня, встречу с тобой там позже. Рад был тебя снова повидать!

Вейлор напоследок спросил:

– Дядюшка, а почему же вы, намекая на моё удручающее финансовое положение, всё же отправили гонца за мой счёт?

– Ах, мальчишка! Я же с ним расплатился, – вскричал старик и стукнул ладонью по колену, – шустрый птенец.

Вейлор, вспомнив мальчугана, улыбнулся и пошёл к выходу. Андре подозвал слугу и тихо отдал распоряжение. Слуга поклонился и неслышно вышел вслед за молодым челове-

KOM.

Глава 13

Лязгнул старый замок, отворилась массивная дверь. Эхо стремительно разнеслось по коридорам подземелья, покой узников был нарушен. Звуки капающей воды и стоны умирающих заглушила уверенная поступь. Два человека шагали вглубь обители отверженных и забытых. Пьёвро ступал вслед за стражником, освещавшим ему путь. Пламя клубами вырывалось из факела, яркое свечение источало жар и копоть на сырые каменные потолки. Для людей, запертых в каморках, это означало как надежду, так и приговор. Однако каждый жаждал, чтобы свет надежды остановился подле него. Чем бы всё ни закончилось – это привело бы к освобождению тела или души. Всё лучше, чем гнить в яме.

– Как вы и просили, – ответил дозорщик на вопросы капитана. – Одиночка, за него слезы лить некому. Крепок. Темница мнёт, ломает людей, кого-то сразу, кого-то со временем. Этот ещё свеж, такого и бревном не свалишь.

– За что осуждён? – поинтересовался Спрут.

– Набил морду не тому человеку. Сначала разметал его стражу, а потом и обидчику отвесил, да так, что всю рожу разворотил. И это голыми руками! – в голосе стража чувствовалось явное восхищение. – Когда за ним пришли, он упирался и твердил, что тот не заплатил ему за сделанную работу. Вот, мол, и получил по заслугам. Только разговор не

задался. Тогда фламандец взял в руки скамью и разметал коней вместе с всадниками. Строптивный нрав!

Рассказывая, стражник смеялся, словно видел всё это воочию.

– Его одолела стража, лишь дождавшись подмоги. Ещё бы, с дюжиной и сам чёрт не сладит! Потом кто-то попросил кого-то, – тюремщик понизил тон и вздёрнул указательный палец вверх, – и на него свалилась суровая кара.

Страж, сочувствуя, поскрёб рукой бороду.

– Не человек, а Цербер какой-то, – усмехнулся Спрут.

– «Церпер», не «цербер», а охрана его побаивается. Когда его сокамерник помер, никто не осмелился забрать тело. Даже крысы обходят его клетку стороной.

Провожатый довёл Пьёвро до нужного места и, пнув решетку, крикнул:

– Поднимайся, пёс!

– Его ждёт виселица? – тихо спросил Спрут.

– Да, – ответил страж и обратился в темноту, – этот господин желает с тобой говорить.

Пьёвро отсыпал несколько монет и дал их тюремщику, сказав властно:

– Оставь нас!

Тот, воткнув факел в кольцо в стене, шагнул во тьму. Здесь ему был знаком каждый поворот.

Пламя слепило, и осуждённого нельзя было разглядеть. Его очертания еле улавливались в тёмном углу.

– Готов поспорить, – неожиданно отозвался узник, предугадывая намерения гостя, – у вас дела хуже, чем у меня, раз вы решили посетить покойника.

– Так ли ты страшен, как о тебе говорят? – спросил капитан, сделав шаг по направлению к решетке.

Спустя мгновение звякнули цепи, из мрачного угла сквозь прутья медленно показались грубые ручищи. Будто две волосатые жерди зависли над головой капитана. Глядя на них, Спрут, сам не маленького роста, подумал: «Высоченный, должно быть, их обладатель».

– Для тебя есть работенка, – продолжил капитан.

– Ещё вчера меня хотели повесить, а сегодня готовы нанять? Для меня этот мир всегда ходил на руках!

После небольшой паузы заключённый спросил:

– Что я получу за это?

Такой вопрос немного смутил Пьёвро. Сидящий по ту сторону решётки вздумал вести торг?! Не выходя из тени, узник придвинул руки в полоску скудного света, чтобы нечаянный гость увидел на запястьях железные оковы. Этот жест дал понять капитану, что у этого человека сегодня в цене.

– У тебя будет возможность, – ответил он с уверенностью, – не дать королю выбрать за тебя, как умереть.

– Годится! – прозвучал в ответ твёрдый голос.

Выйдя из подземелья, Спрут распорядился:

– Отмыть, накормить, одеть и завтра доставить, куда договорились. Серебра я дал достаточно.

Вскоре в обители иоаннитов объявился Ги. Прибывшего с вестями юношу сразу проводили к капитану. Выделенное тесноватое помещение имело для Пьёвро важное преимущество, находясь в отдельно стоящем домишке, близ конюшен. Местечко позволяло держать всех любопытных вдали от его дел. В скромной, наскоро обжитой комнате, Спрут расположился за столом у окна. Отложив в сторону свечи, капитан успевал пользоваться даром светлого дня. Сидя в полной тишине, с непроницаемым лицом он внимательно изучал расписки и финансовые описи храмовников.

– Ты не поверишь! – начал юноша с порога, – там словно живой риф в тёплых морях! Полно голодных ртов! Всё кишит! Шагнуть некуда, все что-то вынюхивают. Не доносит только ленивый.

Спрут отложил бумаги.

– Рассказывай. Что ты узнал? – в его голосе послышалось нетерпение.

– У короля нынче множество забот, – начал Ги, не в силах сдержать эмоции.

Он примостился на краешке стола, повернув веснушчатое лицо к капитану.

– Разногласия с Папой Римским, – загибая пальцы, перечислял юноша, – Климент V, хоть и сидит на цепи у Филиппа, да все равно зубы скалит. Вельможи, дурни, клянчат из казны. А та пуста, как высохший колодец. И даже то коро-

левское золотишко, что раньше хранилось у Ордена Храма, провалилось в бездну, даже не булькнув.

«Возможно, король забрал его неспроста», – рассуждал про себя капитан, слушая парня.

Рассказчик весело тараторил:

– А ещё на улицах ходят слухи о доносах на Орден бедных рыцарей Христа. Якобы Корона поощряет монетой любителей потрепать языком. Вот во дворец весь сброд и захаживает. Метут, как помелом, думая, что их чепуха чего-то стоит.

– Ничего нового, – заметил Спрут, но глаза его сузились, – сдаётся мне, что всё же грянет сильный шторм.

– Однако двое, – продолжил Ги многозначительно, не принимая во внимание замечание капитана, – что я отсеял от этой шелухи, явно что-то прознали дельное. Поговаривают, сам Филипп осыпал их серебром. Пировали, от горла кружку не отрывая, сорили монетой, словно бароны какие-то. Но пьяный язык – враг. Один, в гиблое дело ввязавшись, видать, сболтнул лишнего. Поутру в канаве и нашли. Мертвец был обобран до нитки. Башмаков и тех при себе не имел. А о втором доносчике никто больше ничего и не слышал. Решили, что утонул... на дне кувшина.

Парень наконец перевел дух.

– Я выведал, – произнёс юноша важно, – где он проживал!

– Ты уже был у него?

– Нет. Ты же велел, чуть что – сразу к тебе.

– И то верно, но лучше нам не медлить, – прозвучал твёр-

дый голос Пьёвро.

Чутьё подсказывало, что в словах парня кроется нечто ценное. Капитан поднялся из-за стола.

– Едем!

Глава 14

Таверна «Одинокий филин» стояла на дороге, ведущей из Шампани в Бургундию. Целыми днями в ту и другую сторону шли или ехали люди, останавливаясь здесь передохнуть. Это было излюбленное место солдат, путников, торговцев и пилигримов.

Удачно выбранное место сулило невероятную выгоду хозяину. Местные виноделы, пекари, крестьяне, словно к королевскому столу, охотно поставляли сюда вино и хлеб, дичь и овощи. Несмотря на драматичное название, здесь всегда было многолюдно. Посетителям помимо горячего обеда доставались и свежие новости. Людям таверна пришлась по душе ещё и потому, что тут можно было неспешно обсудить дела и отведать отличных вин местных виноделов.

Вейлор, подъехав к «Одинокому филину», спешил, привязал коня, потрепал его по холке и вошёл в таверну. Внутри было непривычно тихо. Никто не горланил, охмелев. Даже заядлым игрокам в кости было не до азарта. На крюке над огнём закипал котёл, с кухни тянулся чуть слышный аромат варёного мяса с нотками трав, но никто не повёл и носом.

Интерес и любопытство собрали гостей заведения в круг в центре зала. В то утро два человека приковали к себе всеобщее внимание. Народ с изумлением и неприкрытым вос-

хищением жадно схватывал каждое слово, слетавшее с языков рассказчиков.

«Та ещё компания!» – подумал молодой человек и пригнулся чуть в стороне.

Тот, что поговорливей, стоял на скамье, вертелся во все стороны и размахивал руками. Второй, плотный мужчина, важно сидел с полной кружкой в руке, периодически повторяя последние слова во фразах, что придавало истории достоверный характер и усиливало восторг слушателей.

– Еду я, значит, через деревушку. Я выехал до зари, чуть свет, чтобы к полудню на ярмарку успеть. Думаю, там сегодня будут менестрели из Парижу! – рассказывал высокий.

– Парижу! – подхватил второй.

Вокруг ахнули. Говоривший сделал добрый глоток из кружки, которая стояла тут же, на столе, и после небольшой паузы продолжил:

– Смекаю, народу будет видимо-невидимо. Вот я свои горшки и продам!

– Да ты не тяни, что со зверем-то? – беспокоились люди.

– Так я и говорю, – продолжал долговязый горшечник, – еду я через мосток, а там туман лёг, гуще не видал! Словно снегом замело.

– Замело, – зловеще пробасил второй.

– Ничегошеньки не видать. Я ещё подумал тогда, что сена наготовил мало, лишь бы хватило, а что за горшки выручу, на то и сена возьму.

– Горшки твои окаянные! – гневался огневолосый хозяин таверны. – Весь Дижон в твоих горшках!

– Зверь где? – негодование хозяина подхватил томящийся в ожидании народ.

– Будет вам зверь, погодите.

– Ещё раз упомянешь свои горшки, Богом клянемся, мы за себя не ручаемся! – угрожали городские дозорные.

– Только я с моста съехал к оврагу, тут туман и пополз, будто крадётся, стелет и стелет.... И тихо так стало, как в таверне в пост!

Вокруг понимающе закивали.

– Ни птиц не слышать, ни зверушек. А тот все ползёт...

– Ползёт, – поддержал его друг, отхлебывая из кружки.

– Лье не проехал, как он меня настиг!

Слушатели снова ахнули.

– Едем с Мортизой, кобылой моей, друг друга подбадриваем. Я ей – «но», она мне – «тпру», я ей – «но», она мне – «тпру». Тут она, как вкопанная, и встала.

– Кто? Лошадь?

– Да телега же! Колесо из колеи вышло – и под каменья.

– А лошадь?

– И лошадь. Я с телеги сиганул, да глядеть, что там чёрт принес? А Мортиза вся извертелась, расфыркалась да принялась копытом бить.

– Да ну!

– Я ей и так, и этак: голубушка, подружка...

– Лошади?

– Телеге! Колесо ж застряло.

– А лошадь что?

– Лошадь? – почесал затылок рассказчик. – Стоит, паром фырчит, гривой трясёт... И тут чую, взгляд спину скребёт. Я замер, словно статуя, а обернуться духу не хватает. Думаю, а вдруг померещилось старому? А голос внутри шепчет: «Вот колесо тебе чёрт разбил, а сам за спиной стоит и смотрит».

– Чёрт смотрит, – медленно и зловеще проговорил второй.

При упоминании нечистого люди, немного оробев, придвинулись плотнее друг к другу. Долговязый понизил голос:

– Всё думаю: здесь, Антуан, ты со своими горшками и пропадаёшь!

Мужики, открыв рты, замерли. Горшечник наслаждался произведенным впечатлением, обвёл всех взглядом и громко завопил:

– Вдруг как завоет!

От неожиданности народ вздрогнул, один бродяга даже повалился со скамьи.

– Кто, – взволновались самые внимательные, – лошадь?

– Какая лошадь, соломенная твоя башка!

– Телега?

– Да нет же! Дьявол, что в спину мне дышал! Тут моё сердце в пятки и убежало. А Мортиза вздыбилась, копытами как стукнет, только её и видели. Телегу мою с места выдернула и понеслась. Я под телегой за что-то ухватился что есть сил.

Так и мчались мы с того гиблого места. Лошадь несётся, копыта пыль выбивают. Я грязи на всю жизнь наелся. А он на дороге так и остался стоять. Чёрный весь... А глаза! Каких и не встретишь! Кровью залитые, дикие, углём горящие, смотрят прямо в душу. Уже две ночи мне снятся, окаянные.

Антуан перекрестился.

– Только кобыле моей и спасибо, что сгинуть не дала вашему покорному слуге.

Слушатели, наконец, выдохнули и тоже осенили себя крестом. Закончив, рассказчик поклонился, как «менестрель из Парижу». Толпа в последний раз окатила его восторгами и стала расходиться:

– Вот это да! Какой только напасти не встретишь!

– Говорю вам – волк это был. Клянусь святым распятым!

– Всё это рассказы лукавого, храни нас Господь!

Заворожённый историей Вейлор совсем не обратил внимания на собравшихся. Только после того, как люди разбрелись по углам, стало ясно, кто здесь завсегдатай, а кто просто не мог обойтись без припасов на дорогу. У окна, сдвинув столы, шумно обедали городские стражи. По всему видать, они ещё не ложились спать после ночного дозора. У двери ели скромный обед три рыбака. Еще до приезда сюда и без учёной степени бакалавра можно было определить по запаху род их занятий. Иные уже тихо дремали, обменяв последнюю монету на миску похлёбки. Другие спорили, играя в кости.

И тут кто-то выкрикнул на весь зал:

– Полуденный Рыцарь!!!

Вейлор опешил. Этот возглас его словно пронзил. Помимо огромного удивления он испытал волнение и непередаваемое тепло, постепенно наполняющее всё его нутро. «Полуденный Рыцарь» – было его детское прозвище из прошлой далёкой жизни, уже почти совсем забытой. Только один человек мог его так называть. Юноша сразу понял, кого имел в виду дядюшка, когда говорил, что его узнают. Конечно же, это Дамиен, «Полуночный Рыцарь»!

– Вейлор! Дружище! – вскричал подбежавший юноша.

На его загорелом лице белки глаз сияли перламутром.

– Я никак не ожидал тебя увидеть здесь! – радостно улыбаясь, воскликнул Вейлор.

– А ты возмужал и окреп! – Дамиен с удивлением разглядывал друга, ухватив за плечи. – Рыцарь!

– Ты изменился не меньше, – ответил тот изумлённо.

На широких плечах Дамиена поверх стёганого оплечья позвякивала кольчуга. Перед шампанцем стоял настоящий воин, гордо носивший красный крест на чёрной гербовой котте. Крепкой рукой он прижимал меч, подвешенный на поясе на двух широких, идущих крест-накрест ремнях. Странно было видеть старого друга в одежде сержанта храмовников.

«Хотя почему странно? – подумал Вейлор. – Если бы он был благородного рода, то смог бы даже стать рыцарем Ордена».

Много лет назад дядя Андре привёз в родовой замок сироту, молчаливого смуглого мальчика с непривычным для окружи тёмно-янтарным оттенком глаз. Дядюшка всегда относился к нему с любовью. Мальчишки росли вместе. Отец Вейлора поощрял их детскую дружбу.

– Ну, не томи, рассказывай, где пропадал. Клянусь, это достойно баллады.

– Гляжу, ты ещё не потерял интерес к рыцарским романам.

– А ты не прекратил походы по всем значным местам. Я должен был догадаться, что это ты, раз дядя отправил меня в подобное место.

– Я сам не ожидал. Только что возвратился с юга.

Истории лились одна за другой. Незаметно для обоих опустел кувшин. Дамиен поведал о путешествии на край земли и жизни у моря, а Вейлор – о своих блистательных поединках. Друзья вспоминали, как они, послушавшись, сбегали поглазеть на турниры. О том, как однажды вскрыли винный погреб, и даже о постыдной истории на мельнице, за которую они так и не были наказаны. Не замечая никого вокруг, они снова окунулись в детство.

– Выходит, твоя мечта сбылась? – спросил Дамиен.

– О чем ты говоришь?

– Ты всегда мечтал стать турнирным рыцарем и биться на ристалище, как тот воин или граф. Кстати, как его звали?

– Ульрих фон Лихтенштейн! – гордо произнёс Вейлор и

добавил с толикой грусти в голосе: – Ты прав, сбылась!

– Что же ты не рад, друг мой?

– Вчера я должен был одержать победу, но потерпел поражение.

– Видимо, на то были причины, – ободряюще заметил Дамиен, – готов поспорить, что здесь замешана женщина!

И только Вейлор хотел открыть сердце другу детства, как через порог в таверну с грохотом ввалился заезжий господин. Широко шагая и звеня шпорами, он подошел к свободному столу. Бросив небрежно несколько монет, человек опрометчиво выкрикнул:

– Хозяин! Лучшего вина!

Глава 15

На улицах Парижа царили спешка и суматоха. Ги шёл впереди, провожая капитана к нужному дому. Пьёвро держался поодаль, стараясь затеряться среди людей и не привлекать излишнего внимания. Одежда, потерявшая свой цвет от солнца и морской соли, так кстати теперь не выделяла его в толпе.

Скопившийся впереди народ смиренно внимал страстным призывам. Кто-то вдохновенно пророчествовал, вещая о будущем. Спрут безучастно проходил мимо, когда вдруг раздался возглас:

– Ты!!! – завопил толстый, приземистый человек в лохмотьях.

Пухлым пальцем он словно пронзал толпу собравшихся. Горожане послушно расступились и замерли, оценивая взглядами фигуру в чёрном потёртом камзоле, появившуюся в конце живого коридора. Пьёвро, неожиданно оказавшись в центре внимания, остановился.

– Тебе здесь не место! – раздался глас проповедника.

Капитан незаметно подал рукой знак для Ги, чтобы тот держался вдали и не вмешивался, затем повернулся к толстяку.

– Так не задерживай меня, – сказал он, намереваясь продолжить свой путь.

Но босой пророк быстро пошёл сквозь расступившуюся толпу к нему навстречу, бойко постукивая деревянным посохом.

– Ты ещё слеп! Шагаешь прямиком во тьму! – изрёк он, затем обратился к своей новоявленной пастве: – Мы все приходим в этот мир слепыми котятками.

Поведение человека в нищенском одеянии было странным и настораживающим. Торчащие во все стороны волосы застыли засаленной гривой. Просторная туника была не в силах спрятать живот, напоминавший бочонок. Для обладателя столь крупного тела он двигался очень резво. Спрут никак не мог разобрать его истинных намерений за безумством в покрасневших глазах.

«Упитанный для бедняка», – подметил капитан.

Однако всё же напрягся. Ведь от чудаков вроде него можно было ожидать чего угодно.

– Откуда тебе знать, где моё место?

Толстяк снова обратился к народу:

– Знает ли дитя, сидя в утробе, материнскую любовь? Знает ли птица, впервые летящая на юг, в какой тот стороне? Они знают это от рождения! Как и провидец знает, – человек указал большим пальцем на себя, – что будущее наступит, хотя его и не видел.

– Меня тоже не подводят мои глаза, – уверенно сказал Пьёвро, – я вижу безумца перед собой!

Провидец переменялся в лице, затем расплылся в улыбке:

– Безумец, – умильно улыбаясь, произнёс толстяк, – и такое я слышал. Мне давали много имён: «Лишённый ума», «Уродец», «Отшельник». Что ещё могла сказать слепота этих глупцов!? Но я не безумнее тебя. Ведь это ты доверяешь только своим глазам.

Он приблизил щекастое лицо к моряку.

– Ты один не знал, что придёшь сюда, хотя всё уже сошлось для того, чтобы это произошло.

Капитан был не особо рад выслушивать подобные пророчества от проходимцев. И, отмахнувшись, надменно произнёс:

– Прибереги поучительные речи для своей паствы. Пророк был бы последним, к кому я бы пошёл по собственной воле...

– Пророк?! – Отозвался человек, изобразив загадочный вид. – А вот это что-то новенькое. У меня нет дара, я просто не мешаю себе смотреть...

Спрут уже собирался покинуть это сборище, как вдруг странный человек заговорил о том, что являлось его, Пьёвро, личной правдой. И это остановило капитана.

– Я вижу, твою жизнь забрало море, но знай: оно её и вернёт.

Странно было слышать от незнакомца то, что он и сам давно позабыл. Но всё же эти слова отозвались в душе. Однако моряк решил не показывать вида и равнодушно спросил:

– Да что ты об этом знаешь?

Народ стал перешёптываться, людям явно нравился неожиданный поворот.

– Вижу лишь: лодка без вёсел плывёт против течения. Ведь передо мной невольник своих деяний.

– Что это значит?

– Так ты ещё и глухой?! – громко отозвался пастырь.

Вокруг загоготали, а нищий пророк продолжил:

– Я уже говорил. Ты не на своём месте. Но как бы ты ни убегал, как бы ни прятался, ты неизбежно окажешься там, где тебе суждено быть!

– И где же мне место? Удиви меня!

Толстяк не торопился с ответом, и зеваки стали переглядываться, строя собственные догадки. Уличное представление становилось всё более захватывающим.

– Твоё место... – голос его зазвучал, набирая силу, так что все замерли, – среди мертвецов!

Вмиг притихшая толпа шарахнулась в стороны. Капитан закипел, расценив всё как насмешку, но воздержался от того, чтобы тотчас же проучить этого лже-пророка.

– Твой язык без страха, может, хоть голова побоится остроты моего меча, – невозмутимо сказал он, похлопав рукой по ножнам, – или в ней одна требуха, как и в твоих словах?!

– Глупец! – проповедник обратился к испуганным людям: – Смотрите, как он отчаянно отказывается прозреть.

Придвинувшись к Спруту, толстяк схватился обеими ру-

ками за меч капитана и перешёл на шепот:

– Мы все умрём. И я тоже. Рано или поздно, от твоей руки или нет. Значение имеет лишь то, уйдёшь ты прозревшим или всю жизнь проживёшь в темноте!

– Складно толкуешь, да только разгадывать твои загадки у меня нет желания.

– Люди так привыкают к тьме, что жмурятся изо всех сил, боятся быть зрячими. Нужна смелость, чтобы увидеть свет.

Пьёвро ничего не ответил, а только пристально посмотрел в глаза безумца. И жутко было даже не от его слов, а от того, что люди верили в его правоту.

– Ты просто ещё не на своём месте. Вот и не видишь!

Этот балаган пора было заканчивать.

– Прощай, – Спрут слегка оттолкнул проповедника и зашагал вперёд.

Зеваки расступались перед моряком, крестились, кто-то плевал через плечо. Все сторонились его, как прокажённого, никому не хотелось подобной участи.

Уходя, капитан услышал слова, брошенные вдогонку:

– Нельзя опоздать туда, куда должен прийти.

Вскоре Пьёвро и Ги прибыли к жилищу доносчика. Спрут приблизился к двери и прислушался. Внутри дома было тихо. Моряк постучал. Дверь со скрипом приоткрылась.

– Дурной знак, – прошептал Спрут.

– Для кого, – так же тихо отозвался юноша, – для нас или

для тех, кто здесь живёт?

– Для всех, – обронил Пьёвро и бесшумно вошел внутрь.

Ги задержался на улице, осматриваясь по сторонам. Он явно нервничал. Заглядывая в дверную щель, увидел часть длинного коридора. На полу были разбросаны всякий хлам и деревянная утварь. Пылинки летали в воздухе, подсвеченные солнечными лучами, пробивавшимися через многочисленные дыры обветшалой крыши. Парень ловко протиснулся в дверь и стал осторожно красться. Пространство домишки медленно и постепенно открывалось его глазам, но он нигде не видел Спрута. Сердце Ги заколотилось, дыхание сбилось. Он сглотнул ком в пересохшем горле и позвал шепотом:

– Спрут, Спрут, капитан!

Тот не отзывался. Шагнув дальше, юноша вскрикнул. Ужас сковал его. В этот момент кто-то схватил его со спины, чужая рука закрыла ему рот. Это Пьёвро ухватил мальчишку, чтобы сдержать его крик.

Пред ними предстал хозяин дома, уставившись ледяным взором на незваных гостей. Его тело болталось в петле под потолком. Беззвучный вопль застыл на искаженном ужасом лице. Доносчик был мёртв уже несколько дней. На зловонный запах уже сбежались крысы.

Капитану припомнились слова уличного проповедника. Обычный покойник теперь казался зловещими проискарами тёмных сил, и от этого стало не по себе.

«Такого я точно не ожидал! Неужто слова толстяка были

правдой, и его видения начинают сбываться?!»

– Тише, малыш, – прошептал Спрут, – надеюсь, у тебя крепкий желудок.

Капитан отпустил парня и двинулся к покойнику. Ги перекрестился:

– Святые угодники!

Пьёвро вытащил меч из ножен и одним взмахом перерубил верёвку. Труп с глухим звуком обрушился на пол, распугав крыс. Спрут прикрыл нос плащом, защищаясь от смрада, и придвинулся к нему. Кафтан на покойнике был совсем новый. На самом теле не было ни увечий, ни колотых ран, только синие следы от петли на шее. Станным казалось лишь то, что рот и подбородок расставшегося с жизнью были со следами запекшейся крови, наличие которой у висельника и смутило капитана.

«Что-то не похоже на обычное сведение счётов с жизнью», – подумал Пьёвро.

Он поднялся с колен и огляделся. В комнате было грязно, столы и лавки были повалены набок.

«Последний раз здесь пировали», – размышлял Спрут, глядя на обилие кухонной утвари и опустевшие винные бочонки.

Это объясняло беспорядок, и желание хозяина принарядиться, но не давало ответа на вопрос, что он забыл в петле.

«Возможно, причина погрома была иная, здесь что-то искали».

Парень топтался на месте, не решаясь сделать ни шагу.

– Ги, проверь одежду этого бедняги, – скомандовал капитан.

Юноша неохотно повиновался и брезгливо придвинулся к телу. Пьёвро шагнул вперёд, чтобы лучше рассмотреть то, что лежало на полу. Его сапог ступил во что-то липкое.

– Медуза тебе в глотку, – ругнулся Спрут.

Он переставил ногу обратно, всмотрелся в свой след и замер. Ги, обыскав покойного, подошел к наставнику со словами:

– Спрут, его кошель полон серебра! Негоже брать вещи самоубийцы. Не к добру это. Им место в аду, как и ему.

Пьёвро жестом указал юноше на месиво, в которое сам ступил случайно.

– Что это? – спросил Ги.

Спрут задумался, прикусив губу, а после сказал:

– Кто разбогател, не лезет в петлю и не накладывает на себя руки, пока звенит кошель. Кто же будет тратить монеты? Жижа, что растоптал мой сапог, – его требуха. Он выхаркал себя прежде, чем удавился. Раскрой глаза: незапертая дверь, добро на месте. В первую очередь вор выпотрошил бы его, как селёдку. Но нет! Его отравили. Но кто-то очень хотел, чтобы это выглядело, будто он сам свёл счеты с жизнью. Кто-то хотел скрыть убийство! Уходим.

Глава 16

Солнце приближалось к зениту. Андре, сопровождаемый тремя рыцарями Ордена Храма, прибыл в назначенное место, как и было договорено. «Одинокий филин» явно не готовился к приёму важных гостей: шум и гам доносились из заведения. Таверна сотрясалась. Слышны были звуки бьющейся утвари и деревянной мебели, иногда наружу прорывались яростные возгласы.

Вдруг что-то похожее на туго набитый мешок вылетело из окна во двор. «Мешок» пошевелился и встал. Проробоздивший лицом по земле человек оказался городским стражем, его выдали яркие полосатые рукава. Он поднялся, кое-как отряхнулся и, поправив похожий на перевернутую миску шлем, поспешил обратно, боясь пропустить важное. Он преодолел ступени, приоткрыл уже покосившуюся дверь и вновь бросился в гущу событий с отважным возгласом: «Эгей!»

Рыцари переглянулись. Андре, понимая, что его спутники не упустят случая поразмяться, сказал твёрдо:

– Ждите меня здесь. Милош пойдёт со мной.

Богемец повиновался. Они передали поводья оставшимся у дороги тамплиерам и направились внутрь.

Никто из присутствующих должным образом не оценил прибытие свежих сил, всем хватало соперников. Дубася друг друга, все наслаждались хорошей дракой.

Андре ступал по глиняным черепкам, перешагивал через треснувшие скамьи. Наблюдая происходящее, он убеждался, что разрушенный в «Брюггскую заутреню» форт гарнизона франков выглядел сохраннее, чем застолье этих благочестивых католиков в обедню. Дядя искал глазами племянника. Бесплезное занятие!

Решительный чех выхватил меч, желая усмирить бурлящие страсти. Клинок издал характерный металлический звон. На сей раз тамплиер не остался без внимания. Все остановились и замерли при виде грозного «Чёрного Вепря» на фамильном гербе богемского дворянина, вышитом на груди. Люди уже побаивались выяснять отношения кулаками. Ко всеобщему разочарованию, сразу стало ясно: конец веселью.

В этот момент из-под завала высвободился рыцарь. Встав на ноги, он поправил надетый задом наперёд шлем и воскликнул:

– А вот и Полуденный Рыцарь! Ну, кто кого? – он глядел по сторонам, не понимая, почему все прекратили столь «героическое» сражение. – Кто хочет хорошей трёпки?

Андре и Милош шагнули вперед. Дядя хлопнул племянника по плечу, на что юноша отреагировал мгновенно. Он развернулся и ударил левой что было сил. Андре еле успел уклониться. Удар, пройдя по касательной, угодил прямо в глаз чеху. Здоровяк не дрогнул и сдержался. Во взгляде, конечно, читалось, что он мечтает свернуть юнцу шею. Но, как все по-настоящему сильные люди, Милош был великодушен.

Вейлор опешил, увидев дядю рядом с рыцарем Ордена Храма. Тот был в годах, но крепок, как дуб. Ростом более шести футов. С широченной спины до пола свисала белая накидка с красным крестом.

– Эх... – виновато выдавил из себя Вейлор, – дядя... вы?

Юноша запнулся, словно проглотив язык. Андре побагровел от стыда, не проронив ни слова. Зато чех ответил за двоих: он беззлобно отвесил молодцу оплеуху, но так, что тот потерял землю под ногами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.